

другой. Затѣмъ въ познаніи, особенно въ философіи, конкуренція рядовъ выступаетъ въ видѣ материалистическаго или спиритуалистическаго монизма: въ первомъ случаѣ психическое просто включается познаніемъ въ физическій рядъ, во второмъ — наоборотъ: физическое укладывается въ рамки психическаго ряда. Въ обоихъ случаяхъ одинъ рядъ, такъ сказать, вытѣсняетъ другой, занимая его мѣсто въ познаніи.

Физиологическое пространство со всѣмъ его содержаніемъ представляетъ примѣръ того, какъ реально комбинируется физическое и психологическое, опытъ, организованный социалью, и опытъ, организованный индивидуалью. Мы очень рѣдко поддаемся иллюзіямъ физиологическаго пространства, и наше воспріятіе того или иного предмета фактически, обыкновенно, заключаетъ въ себѣ не совсѣмъ то, и притомъ гораздо больше, чѣмъ даетъ изображеніе въ сѣтчаткѣ. Видя какой-нибудь предметъ отчасти и только съ одной стороны, мы въ то же время сразу представляемъ его себѣ въ цѣломъ и со всѣхъ сторонъ, какимъ онъ является, собственно, лишь въ геометрическомъ пространствѣ, и это дополняющее представленіе такъ неразрывно сливается съ непосредственнымъ воспріятіемъ, что нужно специальное усиліе психики, чтобы ихъ разграничить чтобы видѣть не больше, чѣмъ имѣется въ оптическомъ изображеніи; а въ полной мѣрѣ это даже никогда не удаётся. Въмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное воспріятіе въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подвергается и нѣкоторому исправленію; напр., мы не только вообще не видимъ предметы вдвойнѣ двумя глазами, но они не удваиваются замѣтно для насъ по большей части и тогда, когда изображенія въ обоихъ глазахъ расположены не вполне соответственно одно другому: дальніе предметы далеко не всегда дwoятся въ тѣхъ случаяхъ, когда мы смотримъ на близкіе предметы, и наоборотъ. Психика постоянно стремится согласовать свой «психическій» опытъ съ опытомъ «физическимъ», дополняетъ и исправляетъ его этимъ послѣднимъ, въ результатъ чего и получаютъ такіа формы опыта, какъ физиологическое пространство, — формы, окрашен-

няя частью «субъективнымъ», частью «объективнымъ» оттънкомъ.

Здѣсь мы попутно получили и біологическую оцѣнку обоихъ типовъ организаціи опыта: повсюду, гдѣ они конкурируютъ или сталкиваются, жизненно высшимъ оказывается типъ социально-организованный или объективный; съ нимъ долженъ быть согласованъ опытъ субъективный или организованный индивидуально, иначе получается жизненная неприспособленность. И это вполне понятно, такъ какъ базисъ объективнаго опыта несравненно шире: этотъ базисъ—соціальное развитіе, жизнь миллионовъ людей въ тысячахъ поколѣній, тогда какъ субъективный опытъ имѣетъ своей органической основой въ каждомъ данномъ случаѣ лишь индивидуальный процессъ развитія опредѣленной личности. Такая оцѣнка въ сущности уже дана была нами, когда мы характеризовали одинъ рядъ опыта его «общезначимостью», другой—лишь «индивидуальной значимостью» \*).

---

\*) Еще разъ напомнимъ читателю, что «объективный» опытъ вовсе не то, что «соціальный» опытъ, и субъективный не то, что «индивидуальный». Соціальный опытъ далеко не весь социально организованъ и заключаетъ въ себѣ всегда различные противорѣчія, такъ что однѣ его части не согласуются съ другими; лѣшіе и домовые могутъ существовать въ сферѣ соціальнаго опыта даннаго народа или данной группы народа, напр., крестьянства; но въ опытъ социально-организованный или объективный включать ихъ изъ-за этого еще не приходится, потому что они не гармонируютъ съ остальнымъ коллективнымъ опытомъ, и не укладываются въ его организующія формы, напр., въ цѣль причинности. Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ опытъ пока еще индивидуальный, напр., опытъ какого-нибудь изслѣдователя, открывающаго новые факты и проверяющаго, а частью опровергающаго старыя, фактически въ наибольшей мѣрѣ гармонируетъ со всей совокупностью коллективнаго опыта, и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его общими организующими формами. При этомъ въ случаяхъ перваго рода дисгармоническіе элементы соціальнаго опыта въ процессъ развитія шагъ за шагомъ устраняются, со-



Но если одинъ изъ двухъ типовъ организаціи опыта является біологически-высшимъ, то очевидно, что процессъ развитія долженъ вести къ возрастающему господству именно этого типа, къ постоянной кристаллизаціи всего содержанія опыта именно въ его формахъ. Значить ли это, что другой типъ долженъ просто исчезнуть? Изъ предыдущаго нельзя сдѣлать такого вывода. Мы только видѣли, что во всѣхъ случаяхъ, когда между двумя типами возникаетъ конкуренція или прямое противорѣчіе, то одинъ изъ нихъ долженъ подчиняться другому, уложиться въ его рамки, согласоваться съ нимъ, но отнюдь не просто уничтожиться. Тамъ, гдѣ «воспріятія» не соотвѣтствуютъ «воспринимаемымъ вещамъ», тамъ они должны быть исправлены въ соотвѣтствіи съ этими «вещами», но вовсе не исчезнуть и не перестать быть «воспріятіями», т.-е. «психическими фактами», а не «физическими явленіями». Психическій рядъ долженъ прогрессивно приспособляться къ ряду физическому, гармонизироваться съ нимъ, но не вытѣсняться имъ.

Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія. Индивидуальная организованность вовсе не исключаетъ организованности соціальной, а наоборотъ, легко становится элементомъ этой послѣдней, такъ же, какъ и въ процессахъ труда гармоническое единство личной воли отнюдь не исключаетъ гармонического единства воли коллективной, а, наоборотъ, при извѣстныхъ условіяхъ позволяетъ этому послѣднему достигнуть выс-

---

храняя свое значеніе сначала для все меньшихъ и меньшихъ группъ общества, и затѣмъ только для отдѣльныхъ личностей; въ случаяхъ же втораго ряда индивидуальный опытъ принимаетъ мало-по-малу характеръ соціальнаго, распространяясь въ обществѣ все шире и шире. Именно на этомъ основана, съ одной стороны, непрерывная гармонизація соціальнаго опыта путемъ устраненія его противорѣчій, съ другой стороны, расширеніе соціальнаго опыта путемъ внесенія въ него новыхъ и новыхъ элементовъ индивидуальнаго опыта отдѣльныхъ развивающихся личностей.

шей ступени. Несомнѣнно, что всякое низшее единство можетъ явиться интегральной частью единства высшаго, лишь бы оно было въ достаточной мѣрѣ согласовано съ другими низшими единствами, входящими въ составъ высшаго.

## VII.

Дуализмъ опыта и познанія начинается не тамъ, гдѣ существуютъ два типа организаціи опыта, но тамъ, гдѣ тотъ и другой типъ не находятся въ организованномъ соотношеніи, т.-е. не объединены гармонически. Организація клѣтки, съ одной стороны, и организма, къ которому она вмѣстѣ съ другими клѣтками принадлежитъ, съ другой стороны, не образуетъ еще жизненнаго дуализма; онъ возникаетъ только тамъ, гдѣ клѣтка начинаетъ жить самостоятельной жизнью, не приспособляясь къ своему цѣлому; тогда отсутствіе гармоніи между частью и цѣлымъ даетъ себя почувствовать въ пониженіи жезнеспособности либо части, либо цѣлаго, либо того и другого вмѣстѣ. Это и есть дуалистическое противорѣчіе.

Такимъ же образомъ въ опытѣ и познаніи дуализмъ получается въ томъ случаѣ, если индивидуально-организованный опытъ перестаетъ быть нераздѣльной частью опыта социальнорорганизованнаго, если первый складывается въ самостоятельныя формы, независимыя отъ формъ второго, не приспособленныя къ нимъ гармонически, словомъ, если «психическое» превращается въ особый міръ со своими собственными категоріями и законами, не образующими органическаго единства съ категоріями и законами «физическаго». Тогда міръ опыта, лишенный цѣлостности, превращается въ міръ противорѣчій и борьбы, личность оказывается неспособной согласовать свои переживанія вообще и дѣйствія въ частности съ переживаніями и дѣйствіями другихъ людей, которые выступаютъ тогда въ ея опытѣ какъ иначе организованныя единицы; а сознаніе путается въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ анимизма и метафизики. Именно таково современное положеніе человѣческой психики.



Выходъ изъ этого дуалистическаго положенія возможенъ только въ томъ случаѣ, если произойдетъ систематическое приспособленіе опыта индивидуально - организованнаго къ организованному социальнo, такъ что первый найдетъ себѣ мѣсто въ объединяющихъ формахъ второго, какъ клетка въ системѣ тканей организма. Что этотъ путь единственный, какой можно теоретически допустить, въ томъ легко убѣдиться по способу исключенія. Если бы приспособленіе происходило въ обратномъ направленіи, социальнo-организованный типъ приспособлялся бы къ индивидуально-организованному, то это означало бы, очевидно, просто уничтоженіе перваго изъ нихъ, его систематическое разложеніе; ни о какой гармоніи социальнаго опыта не могло бы быть и рѣчи. А предположить ихъ гармоническое сліянiе въ какомъ-нибудь иномъ, третьемъ и высшемъ типѣ мы не можемъ, если не хотимъ выходить изъ рамокъ опыта, въ которомъ вообще не имѣется никакихъ указаній на подобный третій типъ \*). Остается только одинъ путь гармонизаціи опыта, именно тотъ, который былъ сейчасъ указанъ.

Въ самой дѣйствительности такая тенденція развитія непосредственно обнаруживается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прямыя практическія потребности вынуждаютъ человѣка искать примиренія противорѣчивыхъ данныхъ опыта. Тогда онъ обыкновенно не задумывается ставить свой «психическій» и «субъективный» опытъ подъ контроль опыта «физическаго» и «объективнаго», провѣряетъ свои воспріятія и «представленія» при помощи этого послѣдняго, и устраняетъ изъ нихъ все, что въ его рамки и формы не укладывается. Тогда онъ высказывается,

---

\*) Философія не разъ искала гармонизаціи опыта именно на этомъ пути—за предѣлами опыта, въ высшемъ познаніи. Но фактически выйти за предѣлы опыта и она, конечно, не могла, а приходила только къ пустымъ абстракціямъ и противорѣчивымъ образамъ, все элементы которыхъ брались все-таки изъ опыта.

приблизительно, въ такомъ родѣ: «Мнѣ показалось то-то и то-то (опытъ какъ «психическое»); но этого не могло быть по такимъ-то и такимъ-то причинамъ (провѣрка при помощи причинности—формы «объективнаго» опыта, и установленныхъ, также изъ «объективнаго» опыта, фактовъ); очевидно, я ошибся (устраненіе тѣхъ элементовъ «субъективнаго», которые не приспособлены къ «объективному»); вѣроятно, въ дѣйствительности имѣется то-то и то-то; я думаю это по такимъ-то и такимъ-то причинамъ» (приблизительная гармонизація «субъективнаго и «объективнаго» путемъ приспособленія перваго ко второму).—Существуетъ, правда, и противоположный путь приспособленія: «хотя все говорить въ пользу этого, но я не могу допустить, чтобы это было такъ, и вѣрю, что это не такъ, а вотъ какъ» (приспособленіе «объективнаго» къ «субъективному»); но это регрессивный путь приспособленія, на этомъ пути противорѣчія могутъ только возрастать, а система опыта и познанія—только дезорганизоваться.

Въ системѣ познанія, которая вся представляетъ прогрессивную гармонизацію опыта, подчиненіе «субъективнаго» въ опытѣ «объективному» представляетъ основной организующій принципъ, внѣ котораго самое познаніе немыслимо. Поэтому съ «субъективнымъ» оно считается лишь постольку, поскольку стремится согласовать его съ формами «объективнаго» напр., поставить въ причинную связь съ опредѣленными объективно установленными данными опыта. Только въ сферѣ познанія и возможна окончательная и общая гармонизація опыта, его всеохватывающая монистическая организація; опытъ же непосредственный, постоянно приносящій новыя и новыя переживанія, неизбѣжно приносить вмѣстѣ съ тѣмъ новыя частныя противорѣчія, которыя и должно примирить затѣмъ познаніе.

Вопросъ заключается теперь въ томъ, на какомъ пути познаніе способно осуществить эту монистическую организацію опыта, дать всеобщее примиреніе его дуалистическихъ противорѣчій. Чтобы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ слѣ-



дуетъ разсмотрѣть связь «физическаго» и «психическаго» тамъ, гдѣ обѣ эти области опыта всего тѣснѣе соприкасаются между собою.

### VIII.

Психологи въ своихъ изслѣдованіяхъ большею частью принимаютъ практически,—а многіе изъ нихъ и теоретически,—принципъ такъ называемаго «психофизическаго параллелизма». Это — идея объ извѣстномъ постоянномъ соотношеніи между психическими явленіями и «физиологическими процессами нервной системы», именно такомъ соотношеніи, при которомъ каждому данному акту сознанія соотвѣтствуетъ опредѣленное измѣненіе въ нервной системѣ, такъ что «параллельно» ряду фактовъ сознанія развертывается рядъ одновременныхъ физиологическихъ нервныхъ процессовъ въ неразрывной и неизмѣнной связи съ ними. Какъ методъ изслѣдованія, эта точка зрѣнія оказалась въ высокой степени полезною, и не встрѣтилась ни съ какими противорѣчіями, которыя могли бы принципиально подорвать ее, — вообще оправдала себя въ достаточной мѣрѣ.

Надо замѣтить, что на идеѣ параллелизма нѣкоторые философы—главнымъ образомъ, нео-кантіанскаго оттѣнка—пытались построить своеобразную форму «монистическаго міровоззрѣнія». Именно, физическое и психическое разсматриваются, какъ «двѣ стороны единой реальности»—внѣшняя и внутренняя; то, что для «внѣшняго» воспріятія выступаетъ, какъ физическое, для «внутренняго» воспріятія, по этому взгляду, является, какъ психическое, подобно тому, какъ дуга круга, разсматриваемая извнѣ, представляется выпуклою линіей, а изнутри — вогнутой. Взглядъ этотъ, очевидно, не стоитъ въ необходимой логической связи съ научно-психологической теоріей параллелизма; онъ заключаетъ въ себѣ то, чего въ ней нѣтъ—такъ называемую «интроскцію», помѣщеніе психическаго міра *внутри* нервной системы, гипотезу, для нашихъ цѣлей

совершенно излишнюю и болѣе чѣмъ спорную. Принимать такую гипотезу намъ нѣтъ никакой надобности, разъ мы стремимся не удаляться безъ необходимости отъ того, что имѣется въ опытѣ; это нисколько не помѣшаетъ намъ сохранять *методологическую* идею параллелизма \*).

Положеніе Авенаріуса о «функциональномъ соотношеніи» психическаго или, какъ онъ выражается, «ряда Е», съ физиологическими измѣненіями центральнаго нервнаго аппарата, съ «рядомъ С», въ сущности, есть лишь другая формулировка *научнаго* психо-физическаго параллелизма. Въ самомъ дѣлѣ, это и есть признаніе постоянной опредѣленной связи между соответственными членами обоихъ рядовъ; а понимать параллелизмъ въ какомъ-либо иномъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ родѣ, напр., геометрическаго параллелизма, конечно не приходится, потому что явленія обоихъ рядовъ недостаточно сходны для того, чтобы допускать возможность такого параллелизма, какъ параллелизмъ однородныхъ линій или поверхностей.

Терминъ «психо-физическій параллелизмъ» употребляется и у Маха, но уже въ иномъ значеніи, когда онъ говоритъ о

---

\*) Терминъ „интроэкція“ введенъ Авенаріусомъ, который ученію объ интроэкціи посвятилъ свою замѣчательную работу „Der menschliche Weltbegriff“. Тамъ дана и общая исторія интроэкціи (съ точки зрѣнія скорѣе логическаго, чѣмъ культурно-историческаго ея развитія), и ея общая критика (выясненіе логическихъ противорѣчій интроэкціи, обнаруживающихъ ея философскую несостоятельность).

Въ современномъ мышленіи интроэкціи принадлежитъ безусловное господство. Въ обыденной психологіи она выражается въ признаніи „тѣла“ вѣншей оболочкой „души“, какъ внутренней сущности. Въ психологической наукѣ и въ философіи она сказывается въ представленіи о „вѣншнихъ чувствахъ“, которыми воспринимается физическій міръ, и „внутреннемъ чувствѣ“, которымъ воспринимается міръ психическій. Физиологическій организмъ представляется какъ бы ящикомъ съ непрозрачными стѣнками, внутри котораго помѣщается „психика“.

Основное соображеніе, опровергающее интроэкцію, таково.



повтореніи однихъ и тѣхъ же комплексовъ въ сферѣ физическаго и въ сферѣ психическаго: то, что въ связи физическаго опыта является, какъ «тѣло», становится «воспріятіемъ» или «представленіемъ» въ связи психическаго опыта. Но этотъ параллелизмъ \*) не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ тѣмъ психо-физическимъ параллелизмомъ, о которомъ у насъ теперь идетъ дѣло, и относится къ совершенно иной области отношеній—не къ болѣе узкому отношенію между индивидуальнымъ сознаніемъ и нервной системой, а къ болѣе широкому отношенію между индивидуальнымъ сознаніемъ и физическимъ міромъ вообще. Для насъ же важно въ данный моментъ лишь первое изъ этихъ отношеній.

Если мы припомнимъ то, что говорилось раньше о параллелизмѣ рядовъ опыта, образующихъ «тѣла» или «процессы» физическаго міра, то сразу увидимъ, что психо-физическій параллелизмъ относится безусловно къ тому же типу.—Въ самомъ дѣлѣ, физическое «тѣло» или «процессъ» образуется

Самъ организмъ есть опредѣленный комплексъ зрительныхъ, тактильных, и т. под. элементовъ въ ихъ опредѣленныхъ отношеніяхъ, и „внутри“ этого комплекса можно помѣщать только однородные съ нимъ, но меньшіе комплексы: органы, ткани, волокна, клѣтки; а помѣщать тамъ комплексы элементовъ иного типа, неоднородные съ первымъ, не имѣетъ смысла: это все равно, что помѣщать мелодію, воспринимаемую слухомъ, внутри музыкальнаго инструмента, воспринимаемаго зрѣніемъ и осязаніемъ. Пространственныя отношенія сами по себѣ суть *зрительно-тактильныя*, и потому нельзя комплексы иного, не зрительно-тактильнаго типа, ставить въ чисто пространственныя отношенія „внутри“ и „внѣ“.

\*) Махъ называетъ его также „тождествомъ“, что, однако, не вполне вѣрно: элементы, дѣйствительно, одни и тѣ же, но „воспріятіе тѣла“, взятое отдѣльно, гораздо бѣднѣе ими, чѣмъ само „тѣло“. „Тѣло“—комплексъ гораздо болѣе опредѣленный и гораздо болѣе сложный, потому что оно образовалось путемъ соціальной гармонизаціи безчисленныхъ „воспріятій“; въ „воспріятіи“ оно никогда не является полностью, цѣликомъ, а всегда только отчасти; напр., „воспріятіе“ тѣла никогда не можетъ дать его сразу со всѣхъ сторонъ.

путемъ органическаго слиянія различныхъ рядовъ опыта—различныхъ именно *по элементамъ*. Рядъ зрительный, тактильный, акустическій объединяются въ комплексъ, называемый хотя бы «человѣческое тѣло»; и основой этого объединенія является именно *параллелизмъ* этихъ рядовъ, т.-е. опредѣленное соотвѣтствіе между элементами одного и элементами другого, третьяго ряда. Различіе между самими рядами не количественное, а *качественное*, т.-е. ихъ элементы абсолютно несводимы одни къ другимъ; но на основѣ взаимнаго параллелизма всѣ они объединяются вокругъ одного (обыкновенно тактильнаго) ряда въ цѣлостный комплексъ, съ которымъ и оперируетъ познаніе.

Совершенно таково же по существу отношеніе рядовъ психическаго и нервно-фізіологическаго въ занимающемъ насъ вопросѣ: они *качественно различны по элементамъ*, но связаны *параллелизмомъ*, при чемъ параллелизмъ такой же, какъ, напр., между зрительнымъ и тактильнымъ рядомъ въ комплексѣ, называемомъ «человѣчeskій организмъ»: это строго опредѣленное функциональное соотношеніе между рядами, но отнюдь не прямое количественное и качественное соотвѣтствіе. Имѣется опредѣленное воспріятіе, эмоція, стремленіе; это—комплексъ такихъ-то и такихъ-то иннерваціонныхъ, тактильных, зрительныхъ, слуховыхъ и т. д. элементовъ. Соотвѣственно такому «психическому» явленію мы, если возможно, наблюдаемъ, если не удастся, представляемъ себѣ нѣкоторый опредѣленный «фізіологическій процессъ»; это—комплексъ совершенно иныхъ элементовъ, тоже зрительныхъ, тактильных и т. д., но отнюдь не тѣхъ, какіе образуютъ «психическій» комплексъ. Если, напр., въ воспріятіи имѣются элементы «зеленаго», то ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобы въ соотвѣтственномъ «фізіологическомъ фактѣ» имѣлись такіе же элементы «зеленаго»; ихъ можетъ даже совсѣмъ не быть въ нашемъ представленіи нервныхъ процессовъ, а могутъ быть, напр. изъ цвѣтовыхъ элементовъ только «бѣлое», «черное», «красное». Рядъ фізіологическій, при всемъ своемъ соотвѣтствіи съ



рядомъ психическимъ, оказывается состоящимъ изъ совершенно иного матеріала, точно также же, какъ въ любомъ «физическомъ тѣлѣ» рядъ зрительно-иннервационный состоитъ изъ иного матеріала, чѣмъ тактильно-иннервационный, и т. под.

Изъ всего этого слѣдуетъ сдѣлать такой выводъ. Если познаніе въ своемъ стремленіи гармонизировать опытъ будетъ послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своему уже выработанному методу, то оно должно связать психическій и нервно-физиологическій рядъ въ одинъ «процессъ», различно воспринимаемый, но цѣлостный, не психическій и не физиологическій, но психо-физиологическій,—какъ человѣческое тѣло не есть комплексъ зрительный или тактильный, но зрительно-тактильный. Для познанія и здѣсь и тамъ дѣло должно идти о цѣлостныхъ комплексахъ, которые не даны ему непосредственно, но образованы имъ изъ многообразія элементовъ опыта; разница только въ томъ, что по отношенію къ физическимъ комплексамъ эта задача уже давно выполнена въ исторіи человѣчества, а по отношенію къ психо-физиологическимъ ее еще надо выполнить.

Именно такая активно-организующая дѣятельность познанія способна, по нашему мнѣнію, устранить дуалистическія противорѣчія и привести къ дѣйствительной гармоніи міровоззрѣнія. Это не будетъ монизмъ «сущности» или «реальности»—такія безсодержательныя понятія не могутъ удовлетворить критически-монистическаго мышленія; это будетъ монизмъ типа организаціи, по которому систематизируется опытъ, монизмъ познавательнаго метода. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, что даетъ онъ познающему въ его стремленіи достигнуть единства міропониманія.

Познаніе физическаго міра уже въ наше время по своему методу въ высокой степени монистично. Физическія явленія, при всей своей безконечной сложности и разнообразіи, уложены въ рамки всеохватывающихъ формулъ, приобрьтающихъ шагъ за шагомъ все болѣе опредѣленное содержаніе, все полнѣе гармонизирующихъ опытъ, дающихъ все больше возмо-

жности практическаго предвидѣнія и приспособленія. При этомъ для такихъ формулъ, особенно для основной изъ нихъ—закона сохраненія энергіи, не имѣютъ уже прямого значенія непосредственные элементы опыта въ ихъ смѣнѣ и различіяхъ: одно и то же «тѣло» или «процессъ», воспринимаются ли они въ зрительныхъ или тактильных, или акустическихъ рядахъ, представляютъ однѣ и тѣ же энергетическія величины и комбинаціи. Познаніе отвлекается отъ способовъ непосредственнаго воспріятія, и на мѣсто міра «элементовъ» въ немъ выступаетъ міръ *отношеній*. Въ этомъ мірѣ стройность достигается путемъ цѣлесообразной группировки комплексовъ—ихъ разграниченій и соединеній соотвѣтственно требованіямъ наименьшихъ противорѣчій и наибольшей гармоніи;—самыя же группировки выполняются и фиксируются при помощи символовъ, выработка и подборъ которыхъ происходятъ въ социальномъ процессѣ общенія. На этотъ процессъ общенія опирается все коллективное научное и философское творчество.

То же, что дѣлаетъ познаніе по отношенію къ физическому опыту, стремится оно выполнить и по отношенію къ опыту психическому. Но здѣсь оно наталкивается на массу особенныхъ трудностей и противорѣчій, которыхъ не удастся устранить до тѣхъ поръ, пока познаніе въ этой области идетъ не тѣмъ путемъ, какимъ шло въ другой области опыта. Эти трудности и противорѣчія резюмируются, въ концѣ концовъ, однимъ словомъ «дуализмъ», а сущность ихъ заключается въ томъ, что тѣ различные методы, которыми оперируетъ познаніе въ обѣихъ областяхъ опыта, неминуемо то и дѣло встрѣчаются въ одномъ полѣ сознанія, и создаютъ раздвоеніе психической дѣятельности, которое ощущается какъ познавательная неспособленность, какъ дисгармонія мысли. Когда же психическое выступаетъ для познанія, какъ одинъ изъ параллельныхъ рядовъ комплекса, въ которомъ другіе ряды—зрительный, тактильный—способны образовать «физическое тѣло» (нервную систему), тогда дисгармонія исчезаетъ.



Въ самомъ дѣлѣ, познанію не приходится создавать особаго метода для cadaго изъ параллельныхъ рядовъ, сливающихся въ томъ или иномъ комплексѣ—оно имѣетъ дѣло съ цѣлыми комплексами. Психо-физиологическій процессъ, познаваемый какъ одно цѣлое, долженъ укладываться въ рамки того же метода, какимъ познается созданный изъ нѣкоторыхъ его рядовъ процессъ физиологическій—метода наукъ о физическомъ, для нашего времени—метода *энергетики*. При этомъ совершенно безразлично, будемъ ли мы брать для анализа элементы изъ ряда «физиологическаго», или изъ ряда «психическаго», каждый разъ дѣло будетъ итти объ одной и той же энергетической величинѣ, потому что энергетическое познаніе отвлекается отъ способа воспріятія, а не беретъ, напр., рядъ зрительный и рядъ тактильный, какъ отдѣльные энергетическіе комплексы. Какъ въ обычномъ физическомъ комплексѣ, который называется «тѣломъ», одинъ изъ рядовъ опыта является организующимъ для другихъ, напр., рядъ тактильный, такъ въ комплексѣ психо-физиологическомъ одинъ изъ его рядовъ окажется организующимъ, основнымъ для познанія, и мы полагаемъ, что такимъ будетъ именно рядъ физиологическій, какъ болѣе опредѣленный, болѣе устойчивый въ своихъ отношеніяхъ. Но это различіе и здѣсь такъ же несущественно для познанія, какъ въ физическомъ комплексѣ различіе организующаго тактильнаго, и группирующихся около него зрительнаго, акустическаго и т. д. рядовъ. Одно и то же познавательное цѣлое — психо-физиологическій процессъ — можетъ восприниматься различными способами, но для познанія остается однимъ и тѣмъ же. Различія *элементовъ* исчезаютъ въ единствѣ *отношеній*, и цѣльность познанія восстанавливается.

Но при этомъ теряетъ свой смыслъ и самое противопоставленіе «физическаго» и «психическаго». Опытъ организованный индивидуально входитъ въ систему опыта организованнаго социально, какъ его нераздѣльная часть, и перестаетъ составлять особый міръ для познанія. «Психическое» исчезаетъ въ объединяющихъ формахъ, созданныхъ познаніемъ для «физиче-

скаго», но и физическое перестаетъ быть «физическимъ», какъ только у него нѣтъ его постоянной антитезы — психическаго. Единый міръ опыта выступаетъ, какъ содержаніе для единого познанія. Это—эмпириомонизмъ.

Эмпириомонизмъ возможенъ только потому, что познаніе активно гармонизируетъ опытъ, устраняя его безчисленныя противорѣчія, создавая для него всеобщія организующія формы, замѣняя первичный хаотическій міръ элементовъ производнымъ, упорядоченнымъ міромъ отношеній. Можно, разумѣется, допустить, что эмпириомонизмъ осуществится не въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы его представляемъ; но онъ долженъ осуществиться, а его невозможность означала бы конечную несостоятельность познанія.

---

Было бы неправильно думать, что, придя къ схемѣ эмпириомонизма, мы достигли монистическаго міросозерцанія. Эта схема формулируетъ высшую познавательную тенденцію; но цѣльное міросозерцаніе можетъ получиться лишь путемъ систематическаго проведенія этой тенденціи. Познавательная картина міра не дается въ одной формулѣ — это организованная система наукъ и философій; монистическая же схема есть лишь гармонизирующий принципъ этой картины, и нужна громадная работа, чтобы провести этотъ принципъ во всѣхъ частяхъ картины; а пока этого не сдѣлано, пока остаются частности, не подчиняющіяся гармонизирующей схемѣ, ей противорѣчащія или просто не проникнутыя ею, до тѣхъ поръ нельзя говорить о настоящемъ эмпириомонизмѣ.

Принимая во вниманіе колоссальную массу коллективнаго труда, которую положило человѣчество на выработку системы наукъ и философій, и долгій періодъ времени, въ теченіе котораго активно обнаруживалась тенденція къ познавательному монизму, естественно поставить вопросъ: почему же до сихъ



поръ монизмъ этотъ, несмотря на все, не успѣлъ сложиться? Почему даже схема его такъ долго не могла быть отчетливо формулирована?

Можно было бы, конечно, не останавливаться на этомъ вопросе, а просто принять, что гармонизація опыта дѣло настолько сложное и трудное, что, несмотря на массу затраченного времени и энергіи, человѣчество выполнило пока только часть его,—и этимъ удовлетвориться. Но намъ кажется, что есть основанія отмѣтить нѣкоторыя спеціальныя препятствія, которыя именно въ наше время ставятъ границу монистической тенденціи. Это позволить намъ сдѣлать и нѣкоторыя приблизительныя заключенія о дальнѣйшемъ развитіи познанія въ этомъ направленіи.

Современное общество раздроблено на классы и полно антагонизма. Люди, принадлежащіе къ одной социальной системѣ, часто очень сильно отличаются другъ отъ друга, и рѣзко сталкиваются въ жизни на почвѣ различія интересовъ. Конкуренція съ одной стороны, отношенія раздѣленія труда и особенно господства и подчиненія съ другой, окрашиваютъ собою всю социальную жизнь нашего времени. Эти господствующія формы жизни не могутъ не наложить своего отпечатка и на область познанія.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что человѣкъ практически и познавательно противопоставляется другому человѣку. Практически—ихъ стремленія сталкиваются въ борьбѣ интересовъ, какъ той, которая ведется въ видѣ конкуренціи между представителями одного класса или группы, такъ и въ той, которая идетъ между классами или группами. Теоретически—они не понимаютъ другъ друга, какъ люди различнаго опыта и различныхъ типовъ мышленія. И борьба и непониманіе далеко не охватываютъ всей жизни людей, а существуютъ лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ, рядомъ съ сотрудничествомъ и взаимнымъ пониманіемъ, также частичными; но поскольку они существуютъ, постольку монистическая организація опыта наталкивается на величайшія затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ борется съ другимъ, онъ не можетъ съ достаточной полнотой передавать ему свой опытъ; какъ извѣстно, дѣло доходитъ до того, что человѣкъ въ борьбѣ часто принужденъ скрывать свои переживанія, или даже извращенно передавать ихъ; отсюда столько «лжи» въ современномъ обществѣ, лжи зачастую необходимой, интегрально входящей въ самую систему отношеній. Уже этого достаточно для взаимнаго непониманія; но раздѣленіе труда дѣлаетъ сферу этого непониманія еще шире, чѣмъ сфера борьбы. Специалистъ не понимаетъ специалиста, поскольку матеріальнъ ихъ опыта различенъ (напр., художникъ не понимаетъ ученаго, филологъ—естественника и т. п.), подчиняющійся не понимаетъ господствующаго, и наоборотъ, поскольку различенъ не только матеріальнъ ихъ переживаній, но и ихъ фактическое отношеніе къ однимъ и тѣмъ же даннымъ опыта (напр., что для одного—орудіе труда, то для другого—орудіе эксплуатаціи и т. под.). Но что означаетъ «непониманіе»?

Оно означаетъ, что доступныя намъ (путемъ соціального общенія) переживанія другихъ людей не укладываются въ закономерность нашего опыта, — мы не можемъ поэтому правильно оцѣнивать ихъ психическія состоянія и предвидѣть ихъ дѣйствія. И очевидно, поскольку опытъ однихъ людей лежитъ внѣ закономерности, т.-е. организованности, для другихъ людей, постольку онъ необходимо является соціально неорганизованнымъ, или «субъективнымъ», или «психическимъ». Напротивъ, та часть опыта, для которой выработалась въ соціальномъ процессѣ общая, точнѣе — общезначимая закономерность, та часть выступаетъ какъ соціально-организованная, съ атрибутомъ «объективности», съ характеристикой «физическаго». Здѣсь исходная точка антитезы, здѣсь же и базисъ для опредѣленія ея историческихъ границъ.

Замѣтимъ, что въ нашемъ опытѣ «психическимъ» являются по преимуществу тѣ его стороны, для которыхъ всего меньше достигается соціальное единство: эмоціи людей и ихъ стремленія наиболѣе рѣзко расходятся въ жизни, и именно эти



комплексы элементовъ никогда не находятъ себѣ мѣста въ физическомъ ряду, тогда какъ другіе комплексы, находящіеся у различныхъ людей въ менѣе противорѣчивыхъ отношеніяхъ, выступаютъ то въ психическомъ ряду, какъ «воспріятія» или «представленія», то въ физическомъ, какъ «тѣла». Стало быть, психическое тѣмъ въ большей мѣрѣ оказывается «психическимъ», чѣмъ болѣе оно индивидуально по своему характеру.

Въ наивномъ, неразвитомъ сознаніи нерѣдко и эмоціи «объективируются», переносятся въ физическій міръ; напр., красота, безобразіе, пріятность и т. под. считаются свойствами самихъ предметовъ (а не явленіями воспринимающаго сознанія). Это бываетъ именно тогда, когда эмоціональныя высказыванія людей настолько сходятся, такъ мало противорѣчатъ одни другимъ въ массѣ случаевъ даннаго рода, что люди привыкаютъ считать эти эмоціи *общезначимыми*, соціально согласованными, что и лежитъ, согласно нашей точкѣ зрѣнія, въ основѣ характеристики «объективнаго» или «физическаго» опыта.

Организующій центръ для всего психическаго представляетъ индивидуальное «я», противопоставляющееся другимъ «я». Когда «я» исчезаетъ изъ поля сознанія, прекращается и антитеза психическаго съ физическимъ. А это бываетъ не только въ моменты потери сознанія, но и въ моменты наивысшей его дѣятельности. Какъ отмѣчалъ еще Шопенгауэръ, глубокій эстетическій аффектъ устраняетъ «индивидуацію», т.-е. противопоставленіе нашего «я» вѣншему міру, и психическаго физическому: въ восторженномъ созерцаніи прекрасной картины природы или истинно-художественнаго произведенія мы перестаемъ чувствовать раздвоеніе въ нашемъ опытѣ. Но то же относится и къ моментамъ познавательнаго творчества, и къ моментамъ напряженнаго проявленія коллективной воли: человекъ «забываетъ себя», и тогда его переживанія наиболѣе гармоничны.

Приспособленіе, называемое «я», выступаетъ всего ярче тамъ, гдѣ въ опытѣ обнаруживается дисгармонія, — дисгармо-

нія, подрывающая индивидуальное существованіе: это бываетъ тогда, когда мы чувствуемъ голодъ, холодъ, страхъ, тоску, неудовлетворенность... Это—приспособленіе для *индивидуальной* борьбы за жизнь, и потому только въ *индивидуалистическомъ* обществѣ, каково современное, оно для каждой личности становится центромъ опыта, рѣзко отдѣляющимъ ея «психическій міръ» отъ психического міра другихъ людей. Не такъ было въ первобытномъ обществѣ, съ его коммунизмомъ, съ отсутствіемъ внутренней борьбы и противорѣчій. Тамъ человѣкъ не умѣлъ отдѣлять себя отъ своей группы; его опытъ непосредственно сливался съ опытомъ другихъ людей, слово «я» обозначало для него собственное тѣло съ его непосредственными потребностями, но вовсе не комплексъ эмоцій и стремленій, рѣзко отграниченныхъ отъ эмоцій и стремленій другихъ людей, какъ это бываетъ въ современномъ обществѣ. Въ обществѣ высшаго типа, съ коллективно-организованнымъ трудомъ, съ устраненными внутренними противорѣчіями и рѣзкими различіями особей, человеческое «я» такъ же мало, какъ въ обществѣ первобытномъ, могло бы послужить центромъ особаго міра—міра индивидуально-психического: въ тѣсномъ взаимномъ общеніи, въ глубокомъ взаимномъ пониманіи людей исчезла бы всякая склонность противопоставлять свою «психику» психикѣ другихъ людей; и гармонически организованный коллективный опытъ далъ бы людямъ такую грандіозную полноту жизни, о которой мы, люди эпохи противорѣчій, не можемъ составить себѣ понятія.

Въ этомъ мірѣ и для познанія легко будетъ объединить всю сумму человеческихъ переживаній въ гармонически-цѣлостныя, бесконечно-пластичныя формы, въ которыхъ опытъ каждого органически сольется съ опытомъ всѣхъ. И тамъ будутъ, конечно, противорѣчія въ опытѣ и въ познаніи; но это не будутъ безысходныя противорѣчія окаменѣлыхъ фетишей мысли, не допускающихъ никакой инстанціи надъ собою, а временныя разногласія творческаго мышленія людей, сознательно стремящихся согласовать и свести къ единству свои переживанія,



людей, сознательно отыскивающихъ наилучшія, наиболѣе философсообразныя формы для такого согласованія и единства. Свободное стремленіе къ соціальной гармоніи познанія вмѣстѣ съ глубокой увѣренностью въ возможности и необходимости ея достиженія будетъ постоянно господствовать надъ всѣми проявленіями личнаго сознанія. Освобожденная отъ внутренняго разлада человѣческая мысль, ничѣмъ не затемненная, чистая и ясная, будетъ съ недоступной нашему воображенію энергіей прокладывать себѣ путь въ безконечность. Тамъ будетъ достигнутъ истинный эмпириомонизмъ, который представляется намъ идеаломъ познанія.

Если мы сравнимъ этотъ идеаль познанія съ современнымъ идеаломъ практически-трудовой жизни людей, то намъ въ глаза бросится ихъ глубокій внутренній параллелизмъ, общая тому и другому всеохватывающая организующая тенденція. Это не случайное сходство: изъ практики возникаетъ познаніе; гармонія практики и гармонія познанія имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ.

## Жизнь и психика.

(Эмпириомонизмъ жизни физиологической и психической).

### А. Область переживаній.

#### I.

Потокъ переживаній, образующій то, что мы называемъ психической жизнью, не во всѣхъ своихъ моментахъ является настоящимъ объектомъ познанія, пригоднымъ его матеріаломъ: онъ становится такимъ объектомъ или матеріаломъ только тамъ, гдѣ выступаетъ въ болѣе или менѣе организованномъ видѣ, въ формѣ *опыта*. Даже въ предѣлахъ непосредственнаго опыта есть много неясныхъ, смутныхъ переживаній, которыя исчезаютъ, едва возникши въ полѣ психики, которыя такъ неопредѣленны и кратковременны, что ускользаютъ отъ познанія, *почти* не существуютъ для него. Но остается еще вопросъ о томъ, что лежитъ за предѣлами *непосредственнаго* психическаго опыта, хотя не за предѣлами возможнаго опыта вообще.

Существуютъ ли достаточныя основанія, чтобы отрицать психическую жизнь въ утробномъ младенцѣ, въ человѣкѣ, спящемъ глубокимъ сномъ безъ остающихся въ памяти сновидѣній?—Все наше познаніе чѣмъ дальше, тѣмъ въ болѣеишей мѣрѣ проникается идеей *непрерывности*, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе способно мириться съ какимъ бы то ни было отклонені-



емъ отъ этой идеи, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе дѣлаетъ ее своей всеобщей предпосылкой. Между тѣмъ идеѣ этой безусловно противорѣчить представленіе о томъ, что психическая жизнь возникаетъ изъ ничего, какъ прибавочный феноменъ непрерывно развивающейся жизни фізіологической, и на нѣсколько часовъ можетъ совершенно прекращаться, чтобы вновь воскресать изъ психического «ничто» въ моментъ пробужденія.—Однако ни утробная жизнь, ни сонъ безъ сновидѣній не даютъ намъ непосредственнаго психического опыта, а потому лишь косвенно могутъ служить матеріаломъ для психологическаго познанія. Это—темный хаосъ переживаній, въ которомъ нѣтъ «души», нѣтъ организованнаго единства, характеризующаго міръ опыта.

Психическій міръ ребенка первыхъ лѣтъ жизни, а также міръ сновидѣній и бреда представляютъ рядъ промежуточныхъ проявленій жизни, пограничную область психическаго хаоса и психическаго опыта. Здѣсь есть организованность, но только отрывочная: колеблющіеся образы, неустойчивыя сочетанія,—зарожденіе порядка среди безформеннаго матеріала жизни, и вторженіе безформенной жизни въ порядокъ опыта. Естественно, что эти переживанія находятся въ неопредѣленномъ и измѣнчивомъ отношеніи къ системѣ опыта; въ сферѣ памяти мы находимъ только обрывки отъ впечатлѣній первыхъ лѣтъ жизни, перемѣшанные съ иллюзіями памяти и внушенными воспоминаніями, только изолированныя сцены изъ жизни снова, исчезающія въ массѣ неясныхъ ощущеній смутности и дисгармоніи. На зарѣ жизни человѣка и человѣчества эта область полу-организованной психической жизни еще господствуетъ надъ зарождающейся стройностью опыта и съ величайшей медленностью отстываетъ передъ ея развитіемъ; до сихъ поръ сохраняются еще слѣды такого господства, въ видѣ суевѣрій, предчувствій, мистики. Но давно уже несомнѣнна побѣда опыта, съ его возрастающей гармоніей и цѣлостностью.

Присмотримся поближе къ этимъ различнымъ степенямъ психическаго единства жизни, постараемся понять ихъ жиз-



ненную связь, объективныя условія ихъ взаимныхъ переходовъ.

Сравнивая состояніе спящаго глубокимъ сномъ челоѣка съ состояніемъ утробнаго младенца, нельзя не найти большого сходства между ними: и здѣсь и тамъ внѣшнія впечатлѣнія устранены, проявленія жизни сводятся къ растительнымъ процессамъ, питаніе тканей организма преобладаетъ надъ его затратами, реакціи на внѣшній міръ отсутствуютъ, кромѣ немногихъ рефлексовъ. Вообще, глубокій сонъ представляетъ какъ-будто временное возвращеніе къ тому типу жизни, который свойственъ челоѣку до рожденія, и по своему созидательному значенію для организма всего меньше похожъ на смерть съ ея неизмѣннымъ спутникомъ — разрушеніемъ организма. Однако между сномъ и утробной жизнью есть глубокая принципиальная разница: спящему достаточно проснуться, чтобы очутиться въ міръ опыта, въ сферѣ сознательной жизни; нерожденному младенцу для этого надо еще родиться и развиваться. Въ одномъ случаѣ система опыта еще не успѣла развернуться и организоваться, въ другомъ—она временно какъ бы свертывается и дезорганизуется.

Сумма опыта, богатство переживаній и съ количественной, и съ качественной стороны опредѣляется отношеніемъ организма къ его средѣ. Тамъ, гдѣ между организмомъ и средой имѣется полное равновѣсіе, гдѣ соприкосновеніе организма и среды не представляетъ разницы въ напряженіяхъ энергіи, тамъ вообще нѣтъ почвы для переживаній: организмъ какъ бы не существуетъ, сливаясь въ безразличіи со своей средою. Всякое переживаніе есть различеніе, и жизни нѣтъ тамъ, гдѣ нечего различать. Но лишь только среда и организмъ выступаютъ, какъ энергетически-неуравновѣшенная комбинація, лишь только имѣется разность напряженій энергіи, лишь только возникаетъ опредѣленный потокъ энергіи между обоими комплексами — организму есть что переживать, безразличіе смѣняется жизнью.

Но пытаюсь стать на эту точку зрѣнія, мы сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ предразсудковъ, порожденныхъ поверхност-



ными аналогіями и недостаточнымъ анализомъ. Эти предразсудки можно формулировать такъ: *вѣра въ реальную жизнь безъ переживаній*, мысль, что переживанія—только эпифеномень, побочное явленіе жизни.

## II.

До сихъ поръ преобладаетъ дуалистическое пониманіе жизни: фізіологическая жизнь организма и его «психическія переживанія» разсматриваются, какъ двѣ совершенно различныхъ области, нигдѣ между собою прямо не соприкасающіяся, хотя и связанныя опредѣленной зависимостью. Зависимость эта, чаще всего обозначаемая, какъ «параллелизмъ», въ личномъ опытѣ оказывается, однако, неполной, прерывающейсѣ; въ цѣломъ рядѣ случаевъ измѣненія нервнаго аппарата протекають безъ всякаго замѣтнаго отраженія въ психикѣ, въ сферѣ сознанія. Только незначительная часть изъ мелкихъ и постоянно дѣйствующихъ на нервную систему раздраженій порождаетъ замѣтныя «впечатлѣнія»; а въ періоды временнаго прекращенія психической работы жизнь фізіологическая остается, повидимому, совсѣмъ освобожденной отъ связи съ «психическими переживаніями». Такимъ образомъ переживанія эти какъ-будто представляютъ дѣйствительно только «эпифеномень» жизни, неизвѣстно откуда берущуюся и неизвѣстно куда исчезающую прибавку къ ея фізіологическимъ проявленіямъ.—Выясняя же границы этого эпифеномена, можно найти много основаній считать ихъ очень узкими по сравненію съ громадными размѣрами біологическаго міра вообще.

Естественно предположить, что сложность переживаній психическаго организма соотвѣтствуетъ сложности нервно-мозгового аппарата, съ состояніями котораго они связаны. Но при этомъ самъ собою является выводъ, что такихъ переживаній вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ нервно-мозговой системы, т.-е. напр., у всѣхъ Protozoa и у многихъ низшихъ Metazoa. И такъ какъ даже у человѣка съ его необычайно сложной нервной



системой переживанія эти наблюдаются не всегда, а только при наличности цѣлаго ряда условій, и чрезвычайно легко прерываются, то можно, повидимому, принять, что и существованіе центральнаго нервнаго аппарата, вообще говоря, не составляетъ еще достаточнаго базиса для заключенія о томъ, что имѣются «переживанія». — Въ результатъ получается нельзя сказать чтобы очень стройная и гармоничная картина: передъ нами два типа жизненныхъ процессовъ, совершенно неоднородные по содержанію; одинъ изъ нихъ выступаетъ повсюду, а другой—въ нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ случаяхъ, какъ своеобразное дополненіе перваго, связанное съ нимъ опредѣленной для каждаго частнаго случая, но въ общемъ нерѣдко прерывающейся зависимостью.

Однако, если нестройность картины и оскорбляетъ наше эстетическое чувство, то это, повидимому, еще не говоритъ ничего противъ ея объективной вѣрности; основаніемъ же ея служатъ, повидимому, вполне несомнѣнные факты опыта и вполне законныя аналоги, безъ какихъ вообще не можетъ обойтись познаніе.

Критика всякой познавательной концепціи сводится къ двумъ моментамъ; критика обобщеній и выводовъ съ точки зрѣнія опыта, и критика самого лежащаго въ основѣ ихъ опыта съ точки зрѣнія его связи и закономерности. Понятно, что начинать надо съ послѣдняго момента, потому что только проверенный, освобожденный отъ ошибокъ и иллюзій опытъ является надежной основой для критики познанія. Въ занимающемъ насъ вопросѣ этотъ моментъ является особенно важнымъ.

Прежде всего необходимо установить наиболѣе прямую и непосредственную форму зависимости между «переживаніями» организма и его «физиологическими процессами»,—задача, рѣшеніе которой связано съ немалыми трудностями. Было бы, напр., ошибочно принять за такую форму зависимости связь между сложностью перво-мозгового аппарата съ одной стороны, разнообразіемъ и полнотой переживаній—съ другой; это было бы ошибочно уже потому, что при самой развитой нервной



организации — у человека — наблюдаются не только сложные переживания, но рядом с ними также весьма простые и элементарные, не только интенсивные, но и очень слабые, не только определенные, но и очень смутные. Поэтому бесполезны были бы всякие попытки дедуктивно установить, насколько сложный и развитой центральный аппарат нужен для того, чтобы жизнь организма осложнилась «переживаниями», и в каком месте лестницы живых существ они вообще возникают. Для решения вопроса о психо-физическом параллелизме жизни необходимы более точные и более прямые аналогии.

За пределами нашего непосредственного психического опыта всякие переживания — следовательно, вообще все *не наши* переживания — становятся доступны нашему познанию лишь косвенным путем — посредством *высказываний*. Определенная и постоянная связь наших собственных «психических переживаний» — наших восприятий, представлений, стремлений, эмоций — с нашими двигательными реакциями служит основой для объединения нашей психической жизни с жизнью других существ, основой для «взаимного понимания» того, что «переживается» нами и другими. С анализа высказываний, в их связи с непосредственными переживаниями, и начинается критика психического опыта.

С самого начала здесь возможен вопрос, насколько вообще законно и правильно к наблюдаемым высказываниям других организмов присоединять переживания, подобные нашим собственным. Вопрос этот разрешается очень легко: наибольшая часть нашего опыта дается нам через чужие высказывания, путем такого их «понимания», и оно же служит для нас способом проверять и контролировать свой непосредственный опыт опытом других людей. На понимании высказываний основывается, таким образом, вся система объективного познания, и так как она в своем целом не впадает в противоречие ни с самой собою, ни с жизнью вообще, так как на ней мы можем с успехом строить свою практическую деятельность, то нам остается только принять эту



систему; а вмѣстѣ съ ней мы должны принять и нашъ постоянный способъ «понимать» высказыванія, присоединяя къ нимъ, какъ ихъ необходимое дополненіе, воспріятія, представленія, стремленія, эмоціи, вполне аналогичныя нашимъ собственнымъ \*).

Къ высказываніямъ принадлежатъ отнюдь не однѣ только специализированныя «формы выраженія», какъ рѣчь, мимика, искусство, но всѣ вообще двигательныя реакціи организма, которыя мы можемъ «понять» въ связи съ психическими переживаніями \*\*). Если, напр., мы видимъ человѣка, выполняющаго какую-нибудь работу, то въ его дѣйствіяхъ мы находимъ для себя цѣлый рядъ высказываній: они ясно выражаютъ наличность, во-1-хъ, *воспріятія* всѣхъ объектовъ и орудій его труда, въ-2-хъ, *представленія* о нѣкоторомъ желательномъ преобразованіи этихъ объектовъ, какъ о «цѣли», въ-3-хъ, *стремленія* достигнуть этой «цѣли» и принятаго *рѣшенія* въ этомъ смыслѣ. Всѣ такого рода *практическія* высказыванія имѣютъ не только не меньшее значеніе, чѣмъ «теоретическія», напр., словесныя, но даже значеніе основное по отношенію къ этимъ послѣднимъ: рѣчь, мимика и другія спеціальныя формы выраженія возникаютъ на почвѣ практическаго объединенія человѣческихъ дѣйствій, общественный трудъ людей есть первичная область ихъ общенія, а стало быть и высказываній, соціально-техническій процессъ порожд-

---

\*) Само собой разумѣется, что всякое частное высказываніе одного организма можетъ быть „неправильно понято“ другими, вслѣдствіе, напр., различія ихъ опыта, ихъ фізіологическаго строенія и т. под. Но въ этомъ случаѣ для возстановленія познавательной гармоніи и для устраненія практическихъ противорѣчій требуется только вмѣсто однихъ переживаній подставить другія, т.-е. надо опять-таки „понять“ высказыванія, только иначе, чѣмъ они прежде были поняты.

\*\*) Мы думаемъ, нѣтъ надобности выяснять, что въ основѣ „выражающей“ реакціи, даже произносимаго слова лежитъ опредѣленный комплексъ мускульныхъ сокращеній, реакція *двигательная*.



даетъ необходимость гармоническаго *объединенія опыта различныхъ людей*. Сотрудничество въ разнообразныхъ его проявленіяхъ—основа социальнаго опыта \*).

Но за всякой ли двигательной реакціей организма можно предполагать соотвѣтственные переживанія, и всякое ли переживаніе выражается въ двигательныхъ реакціяхъ? Каждый изъ этихъ вопросовъ требуетъ особаго и внимательнаго разсмотрѣнія.

### III.

Изъ непосредственнаго опыта намъ извѣстно, что очень многія изъ нашихъ переживаній, громадное большинство ихъ, протекаютъ безъ всякихъ «высказываній», безъ всякихъ замѣтныхъ двигательныхъ реакцій. Изъ этого очевидно, что сфера переживаній несравненно шире сферы высказываній. Но насколько шире, и каково ближайшее соотношеніе обѣихъ? Это можетъ выяснитъ психо-физиологія.

Всякая мускульная реакція, а слѣдовательно и всякое вы-

---

\*) Здѣсь нѣтъ возможности дать обстоятельное обоснованіе идеи о первичномъ характерѣ практическихъ высказываній, да и нѣтъ необходимости въ этомъ. Идея эта вытекаетъ изъ историко-монистической концепціи социальнаго процесса и находитъ себѣ достаточно подтвержденій въ современныхъ научныхъ воззрѣніяхъ вообще (напр., въ ученіи Нуаре о происхожденіи корней, въ анализѣ связи техники и познанія у Эрнста Маха, и т. под.).

Отмѣтимъ, что Авенаріусъ, основывающій на анализѣ высказываній свою теорію познанія, понимаетъ подъ „высказываніями“ преимущественно или исключительно словесныя, мимическія и т. под., причемъ упускаетъ изъ виду высказыванія практическаго характера, которыя онъ разсматриваетъ только со стороны ихъ непосредственнаго практическаго значенія („ectectosystematische Aenderungen“, „appetitives Verhalten“ и т. под.). Впрочемъ, въ „Критикѣ чистаго опыта“ онъ вообще прямо не выясняетъ, что именно понимаетъ подъ „высказываніями“.



сказываніе предполагаетъ *нарушеніе равновѣсія* энергіи центральнаго нервнаго аппарата, потому что осуществляется путемъ *иннерваціи*, потока нервной энергіи отъ центра къ периферическому двигательному аппарату,—а при равновѣсіи системы потокъ этотъ, очевидно, не могъ бы возникнуть. Равновѣсіе же зависитъ отъ непрерывнаго и всесторонняго соотвѣтствія между «питаніемъ» системы и ея «работой», т.-е. между ассимиляціей энергіи изъ окружающей среды и затратами энергіи, ея переходомъ въ окружающую среду. Такимъ образомъ высказываніе обусловливается тѣмъ, что Авенаріусъ называетъ «жизнеразностью», т.-е. неполнымъ совпаденіемъ «питанія» и «работы», частичнымъ или общимъ для системы перевѣсомъ ассимиляціи надъ затратами энергіи или наоборотъ, — колебаніемъ энергіи системы вверхъ или внизъ отъ даннаго ея уровня, выражающаго жизненное равновѣсіе и психическое безразличіе.

Но не всякая «жизнеразность» прямо ведетъ къ высказываніямъ, а только такая, которая достаточно значительна и можетъ вызвать потокъ иннерваціи, способный привести къ замѣтнымъ движеніямъ организма. Громадная масса мелкихъ и мельчайшихъ жизнеразностей остаются безъ внѣшняго проявленія, пока не исчезнутъ путемъ внутренняго уравниванія системы, или пока суммируясь не представляютъ достаточную величину, чтобы выразиться въ физическихъ движеніяхъ. Но и крупныя, жизненно-важныя жизнеразности могутъ не порождать высказываній; какъ извѣстно, это бываетъ во 1-хъ, въ случаяхъ патологическихъ, при поврежденіи или разрушеніи нервныхъ проводниковъ, передающихъ иннервацію, при атрофіяхъ и пораненіяхъ мускуловъ и т. д.—вообще при всевозможныхъ паралитическихъ и паретическихъ состояніяхъ частей организма; во 2-хъ, что еще важнѣе, это бываетъ и въ случаяхъ вполнѣ фізіологическихъ, вслѣдствіе задерживающаго вліянія однихъ центровъ на другіе, когда начинающійся потокъ иннерваціи непрерывно подавляется, такъ что не переходитъ въ настоящія двигательныя реакціи. Въ такихъ



случахъ переживаніе не связывается непосредственно съ высказываніемъ. Человѣкъ, напр., можетъ испытывать боль (что соотвѣтствуетъ быстро наступающему перевѣсу затратъ энергіи системы надъ ея ассимиляціей), и не выражать ея, либо потому, что боль слишкомъ незначительна, либо потому, что не имѣетъ возможности ея выразить вслѣдствіе ненормальнаго состоянія организма, либо потому, что желаетъ скрыть ее и подавляетъ ея внѣшнія проявленія.

При современномъ состояніи психофизиологіи наиболѣе вѣроятнымъ представляется такой взглядъ: всюду, гдѣ опытъ даетъ намъ переживанія безъ высказываній, тамъ при достаточномъ изслѣдованіи возможно обнаружить жизнеразность центральнаго аппарата; если же фактически обнаружить ее въ такихъ случаяхъ удастся не всегда, то это зависитъ отъ грубости нашихъ методовъ,—и съ ихъ развитіемъ изслѣдованіе все рѣже приводитъ къ неудовлетворительнымъ результатамъ.

Принимая это во вниманіе, естественно признать, что *область жизнеразностей и область переживаній воодуше совпадаютъ*. Такая точка зрѣнія сразу дала бы намъ возможность въ стройной картинѣ представить отношеніе жизни психической и жизни физиологической; но передъ нами немедленно выступаютъ различныя затрудненія.

Прежде всего, если въ нашемъ опытѣ при наличности переживаній не всегда удастся констатировать жизнеразности, то дѣйствительно ли это обусловливается только недостатками методовъ изслѣдованія, и не можетъ ли это, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зависѣть просто отъ того, что жизнеразности вовсе нѣтъ? Вообще, можно ли считать доказаннымъ, что полное равновѣсіе системы сопровождается психическимъ безразличіемъ, отсутствіемъ переживаній? Считать это *абсолютно* доказаннымъ при современномъ состояніи науки, разумѣется, нельзя; но очень многіе факты опыта говорятъ опредѣленно въ пользу этого и противъ всякаго иного допущенія.

Въ предѣлахъ существующаго матеріала наблюденій можно считать установленнымъ, что слабымъ жизнеразностямъ соот-



вѣтствуютъ и слабыя переживанія; что съ уменьшеніемъ первыхъ падаетъ и интенсивность вторыхъ; судя по этому, сведеніе къ нулю первыхъ должно означать и прекращеніе вторыхъ. Это особенно очевидно въ тѣхъ случаяхъ, когда причины, порождающія жизнеразность, легко поддаются объективному наблюденію и даже измѣренію, напр., въ случаѣ внѣшнихъ раздраженій, воспринимаемыхъ органами чувствъ. Какъ ни сложна зависимость между раздраженіемъ и соотвѣтственнымъ ощущеніемъ, но приближеніе къ нулю первой величины означаетъ приближеніе къ нулю и второй, отсутствіе жизнеразностей даннаго типа соединяется съ отсутствіемъ соотвѣтственныхъ переживаній \*). Затѣмъ, когда изъ жизни организма исключаются возбуждающія причины извѣстнаго рода жизнеразностей, то устраняются не только переживанія, ближайшимъ образомъ вызываемыя этими причинами, но мало-по-малу исчезаютъ и тѣ, которыя косвенно обусловливаются ими. Если, напр., человѣкъ ослѣпнеть, т.-е. если будетъ прегражденъ путь свѣтовымъ раздраженіямъ, то прекращаются сначала зрительныя воспріятія, и это соотвѣтствуетъ устраненію жизнеразностей, получаемыхъ отъ сѣтчатки. Но зрительныя *представленія* временно сохраняются,—очевидно, именно потому, что въ оптическихъ центрахъ, еще сохранившихъ извѣстную неустойчивость равновѣсія, продолжаютъ возникать жизнеразности отраженныя—вызываемыя вліяніемъ другихъ центровъ, а также колебаніями тонуса кровеносной системы—системы питанія. Съ теченіемъ времени, однако, вслѣдствіе отсутствія специфическихъ раздраженій, въ зрительныхъ центрахъ должно сложиться относительно прочное, устойчивое равновѣсіе, жиз-

---

\*) Замѣтимъ, что раздраженіе только *возбудитель* жизнеразности, и потому она не можетъ быть просто пропорціональна ему, такъ какъ зависитъ еще отъ состоянія нервной системы, отъ наличности въ ней накопленной и разряжаемой внѣшнимъ толчкомъ потенциальной энергіи. Но для занимающаго насъ теперь вопроса это неважно, а въ дальнѣйшемъ мы еще вернемся къ этому.



неразности *прежняго типа* должны исчезнуть, — и соотвѣтственно этому утрачиваются послѣдніе остатки зрительныхъ переживаній.

Противъ возможности переживаній при отсутствіи жизнеразностей центральнаго аппарата говорятъ также очень важныя біологическія соображенія. Съ точки зрѣнія современной біологіи психическія переживанія представляютъ систему *приспособленія*; между тѣмъ при «идеальномъ» равновѣсіи центральнаго аппарата онъ является «идеально» приспособленнымъ (для этого момента), ему не къ чему приспособляться, и психическая дѣятельность излишня. Вообще, при современномъ состояніи біологіи и психологіи врядъ ли кто-нибудь даже и станетъ особенно защищать идею возможности психическихъ переживаній, не связанныхъ съ колебаніями въ фізіологической жизни нервной системы. Поэтому гораздо важнѣе для насъ другая сторона вопроса.

Существуетъ очень много случаевъ, когда мы съ увѣренностью можемъ принять наличность въ нашей нервной системѣ опредѣленныхъ жизнеразностей, и въ то же время въ психическомъ опытѣ соотвѣтственныхъ переживаній не оказывается. Таковы, напр., всѣ жизнеразности, выступающія во время глубокаго сна, наркоза и. т. под. состояній. Въ бодрственномъ состояніи нерѣдко тоже, особенно при сильной концентраціи вниманія на одной мысли или объектѣ, остаются «незамѣченными», т.-е. внѣ психическаго опыта многія внѣшнія воздѣйствія, которыя достаточно сильны, чтобы дойти до мозга и вызвать тамъ жизнеразность. Иногда бываетъ даже такъ, что человекъ, который «сильно задумался», цѣлесообразно реагируетъ на внѣшнее вліяніе, совершенно «не сознавая» этого, напр., поправляетъ безпорядокъ своего костюма, отодвигается отъ открытаго окна, «самъ не замѣчая» своихъ дѣйствій. Здѣсь уже имѣется не только жизнеразность, но на ея почвѣ и «высказываніе», однако связанныхъ съ нею переживаній въ полѣ психическаго опыта нѣтъ. Всѣ подобные факты приводятъ, повидимому, ко вполне опредѣленному выводу: жиз-



неразности не всегда связаны съ соотвѣтственными переживаниями. Если остановиться на этомъ выводѣ, то опять теряется возможность обобщающаго, стройнаго, словомъ—монистическаго описанія жизни въ ея психическихъ и физическихъ проявленіяхъ.

Для рѣшенія вопроса необходима *критика психическаго опыта*, т.-е. выясненіе границъ психическаго опыта и его объективнаго познавательнаго значенія.

#### IV.

Міръ психическаго опыта личности представляетъ изъ себя очень сложную, но связную систему переживаній. Каждое изъ нихъ болѣе или менѣе прочно объединяется съ другими такъ называемой «ассоціативной» связью, и лишь въ этой связи является частью психическаго опыта. То, что внѣ ея, внѣ психическаго опыта; то, что выпало изъ ея рамокъ, выпало изъ рамокъ психическаго опыта. Таковы безчисленныя «забытыя» переживанія, когда-то входившія въ данную систему, но утратившія свою связь съ нею. Человѣкъ самъ ничего о нихъ не знаетъ бы, если бы они снова, уже косвеннымъ путемъ, не вводились въ сферу его опыта: высказыванія другихъ людей сообщаютъ ему объ его прежнихъ высказываніяхъ, съ которыми необходимо должны были соединяться соотвѣтственныя психическія переживанія. Такъ узнаетъ человѣкъ, напр., о большей части своихъ переживаній, относящихся къ первымъ годамъ его жизни.

Какъ видимъ, границы психическаго опыта совпадаютъ съ границами той опредѣленной связи переживаній, которую психологи называютъ «связью ассоціацій». Связь эта отнюдь не является постоянной и однородной во всѣхъ частяхъ системы опыта, а выступаетъ въ самыхъ различныхъ степеняхъ устойчивости и прочности. Есть комплексы переживаній, настолько прочно связанные со всѣми остальными, что ихъ разрушеніе или выпаденіе сразу дезорганизуетъ всю систему; таковъ слож-



ный комплекс органических ощущений, воспоминаний, стремлений, называемый «я». Есть другие комплексы, соединеніе которыхъ съ остальными не такъ прочно и не такъ существенно для сохраненія системы, но которые фактически неопредѣленно долго въ ней сохраняются, время отъ времени всплывая при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ; они-то главнымъ образомъ и составляютъ то, что въ обыкновенной рѣчи называютъ «жизненнымъ опытомъ» человѣка (въ психологіи—область «привычныхъ ассоціацій»). Есть, далѣе, такіе комплексы, связь которыхъ съ остальной системой слаба и мимолетна; они возникаютъ, нѣсколько разъ всплываютъ въ полѣ сознанія и затѣмъ исчезаютъ безъ слѣда, заполняя собою громадную область пережитого—забытаго. Есть еще иного рода переживанія, соединеніе которыхъ съ системой опыта до того непрочное и неуловимое, что они только на моментъ входятъ въ поле психической жизни и совсѣмъ не попадаютъ въ область памяти—даже на время,—такъ что констатируются вообще только косвеннымъ путемъ. И это, какъ увидимъ, еще не предѣлъ; но прежде чѣмъ идти дальше, остановимся немного на этой группѣ переживаній.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ наше воспріятіе окружающей среды бываетъ крайне неполно. Нѣкоторыя части среды «привлекаютъ наше вниманіе» и отчетливо выступаютъ въ полѣ сознанія, въ опредѣленной координаціи съ другими познаваемыми переживаніями; входя такимъ образомъ въ систему психического опыта; другія части «ускользаютъ отъ вниманія», не входятъ въ общую координацію, а остаются для психического опыта какъ бы несуществующими («todte Werte», по выраженію Авенаріуса). Однако, нельзя сказать, чтобы онѣ вовсе не воспринимались, и нельзя даже принять, чтобы соотвѣтственные воспріятія совершенно пропадали для психического опыта. Иногда случается, что спустя нѣкоторое время человѣкъ при какихъ-нибудь необычныхъ условіяхъ, напр., при ненормальномъ возбужденіи, вспоминая данное событіе съ его обстановкой, въ полѣ воспоминанія находитъ, кромѣ фак-



товъ, занимавшихъ его сознаніе въ моментъ событія, также нѣкоторыя въ то время ускользнувшія отъ него частности, при чемъ эти прежде «мертвыя» переживанія воскресаютъ съ большой яркостью. Однако, если бы не возникли необычныя условія, которыя повели къ воскрешенію «мертвыхъ величинъ», онѣ остались бы мертвыми и никогда не попали бы въ сферу психическаго опыта. Такъ это чаще всего и бываетъ. Пройдитесь, напр., по незнакомой вамъ улицѣ съ большимъ движеніемъ публики, массой товаровъ въ витринахъ, съ яркими вывѣсками,—вы получите миллионы впечатлѣній, а между тѣмъ много ли изъ нихъ вы сами въ это время «замѣтите» и много ли изъ этихъ послѣднихъ «вспомните» еще когда-нибудь?

Теперь предположимъ, что вы идете по той же улицѣ, но въ глубокой задумчивости, всецѣло погруженный въ рѣшеніе трудной математической задачи; до окружающаго васъ «нѣтъ никакого дѣла», оно для васъ не существуетъ. Тѣмъ не менѣе, вы ведете себя такъ, какъ если бы видѣли и слышали все происходящее вокругъ васъ; вы даете дорогу дамамъ, обходите ѣдущихъ извозчиковъ, извиняетесь, если кто-нибудь васъ толкнетъ... Для посторонняго наблюдателя все это—высказыванія, за которыми должны скрываться *переживанія*. Но высказыванія эти, какъ говорится, «машинальны», въ нихъ «нѣтъ души». Значитъ ли это, что они пусты, что они возникаютъ безъ всякихъ переживаній? Конечно, нѣтъ; но тѣ переживанія, которыя въ нихъ выражаются, остаются *внѣ организованной системы* психической жизни; это изолированныя переживанія, и о нихъ мы ничего не можемъ знать изъ *непосредственнаго* психическаго опыта.

Въ такомъ изолированномъ положеніи оказываются во многихъ патологическихъ случаяхъ цѣлые обширные комплексы и послѣдовательности переживаній, и иногда вовсе не слабыхъ, а очень интенсивныхъ, если судить по энергіи высказываній. Вы наблюдаете лунатика и видите, что онъ предпринимаетъ рядъ дѣйствій, сложныхъ и хорошо координированныхъ, объединенныхъ, повидимому, опредѣленной цѣлью, словомъ—про-



текающих въ такой гармоніи и послѣдовательности, какъ это бываетъ при обычныхъ условіяхъ на почвѣ широкой ассоціативной связи психическихъ переживаній. Изъ послѣдующихъ высказываній больного, наступающихъ по его пробужденіи, вы узнаете, что вся его ночная жизнь совершенно не существуетъ для его психического опыта. Сдѣлаете ли вы изъ этого тотъ выводъ, что всѣ проявленія лунатизма «вполнѣ механичны», что никакихъ переживаній съ ними не было связано? Но какъ примирить съ этимъ тотъ фактъ, что лунатикъ въ своихъ движеніяхъ тщательно *различалъ* мельчайшія условія среды, что онъ, идя по карнизу, гдѣ никогда не ходилъ на яву, очень искусно уравнивалъ свое тѣло, и умѣлъ ставить ногу именно такъ, какъ того требовали неровности его ненадежной дорожки? Нѣкоторые лунатики въ своемъ странномъ снѣ пишутъ письма, т.-е. вступаютъ въ общеніе съ другими людьми съ цѣлью вызвать въ нихъ опредѣленные переживанія. Легко ли представить себѣ, что все это — чистый автоматизмъ? Но тогда не было бы никакого основанія относиться иначе и ко всѣмъ обычнымъ, нормальнымъ высказываніямъ другихъ людей, пришлось бы во всѣхъ, кромѣ себя, видѣть оригинально устроенныя машины съ разнообразными и сложными движеніями. При этомъ потеряло бы всякій смыслъ общеніе людей, а съ нимъ исчезла бы почва и вообще для объективнаго познанія. — Нѣтъ никакой надобности создавать такія безцѣльные и безысходныя познавательныя противорѣчія; необходимо только принять, что нѣкоторыя группы переживаній протекаютъ внѣ связи психического опыта, образуя обособленныя частныя координаціи, въ томъ же смыслѣ чуждыя главной системѣ координаціи психическихъ переживаній даннаго лица, въ какомъ чужды ей психическія переживанія другихъ людей \*).

---

\*) Иногда ночная жизнь лунатика не вполнѣ изолируется отъ его психического опыта: человѣкъ неясно вспоминаетъ потомъ о нѣкоторыхъ своихъ сомнабулическихъ дѣйствіяхъ и переживаніяхъ, какъ о видѣнномъ сновидѣніи. Такіе промежуточные, переходные случаи являются, конечно, только лишнимъ



Яркій примѣръ того, насколько въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть интенсивны переживанія, лежащія за предѣлами психическаго опыта, представляютъ психо-эпилептическіе припадки. Въмѣсто того, чтобы биться на землѣ въ страшныхъ судорогахъ, не имѣющихъ и тѣни цѣлесообразности, эпилептикъ иногда совершаетъ рядъ дѣйствій, повидимому, сознательныхъ, стихійно-энергичныхъ, направленныхъ нерѣдко къ непосредственному разрушенію окружающаго, и тогда потрясающе-ужасныхъ въ своей дикой неудержимости. Сила этихъ «высказываній» говоритъ намъ о громадной интенсивности скрывающихся за ними переживаній; но отъ всего этого въ полѣ психическаго опыта не остается никакихъ слѣдовъ, если не считать послѣдующаго чувства утомленія и какъ бы разбитости организма.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обширныя группы переживаній, отдѣленные отъ главной системы психическаго опыта, образуютъ сложныя и устойчивыя координаціи того же типа, какъ и эта главная система, въ которую онѣ не вошли. Тогда передъ нами получается то, что въ психо-патологіи называютъ «раздвоеніемъ личности». Это своеобразное явленіе — наличность двухъ, а иногда и болѣе психическихъ особей въ соединеніи съ одной, повидимому, особою фізіологической — во многомъ остается еще загадкою, и породило цѣлый рядъ взаимно противорѣчащихъ попытокъ научнаго объясненія; но для вопроса о критикѣ психическаго опыта имѣетъ значеніе только фактическая сторона дѣла, независимо отъ ея освѣщенія той или другой гипотезою. Существуютъ достаточно точныя наблюденія и вполне установленные факты, въ которыхъ совершенно ясно выступаетъ явленіе широкой и сложной организаціи переживаній за предѣлами данной системы

---

подтвержденіемъ принимаемой нами точки зрѣнія: колебаніе границъ непосредственнаго психическаго опыта указываетъ на то, что и за его предѣлами есть еще аналогичныя ему переживанія.



психического опыта, но въ связи съ тѣмъ же нервнымъ аппаратомъ, съ которымъ она функционально связана.

Въ наиболѣе типичныхъ и развитыхъ случаяхъ этого рода, каковы, напр., часто цитируемые случаи д-ра Azam'a, Samuset, Mac-Nish'a, дѣло происходитъ такъ. Вся психика больного періодически измѣняется, переходя отъ одного состоянія къ другому, и обратно — иногда такихъ различныхъ состояній бываетъ и больше двухъ,—при чемъ явнымъ образомъ нарушается или даже прерывается прежняя ассоціативная связь психики, замѣняясь новою. Иногда больной при этомъ совершенно теряетъ даже всякое воспоминаніе о томъ, что онъ думалъ, говорилъ и дѣлалъ въ предыдущемъ своемъ состояніи,—такъ было, напр., въ случаѣ, описанномъ Mac-Nish-емъ, и въ одномъ изъ двухъ состояній Фелиды, пациентки Azam'a; иногда воспоминанія сохраняются (другое состояніе Фелиды), но пациентъ чувствуетъ себя настолько психически измѣнившимся, что не можетъ признавать себя за ту же самую личность, которая была передъ этимъ. Измѣняется весь «характеръ» человѣка, его взгляды и манеры, и не только онъ самъ считаетъ себя «другимъ» человѣкомъ, но то же самое признаютъ и окружающіе—на основаніи общей картины его высказываній. Если воспоминаніе о предыдущей психической фазѣ сохраняется, то больной обозначаетъ ее выраженіями «другой», «другой я» и т. п.; пациентка Dufay характеризовала свое первичное (нормальное) состояніе словами: «quand moi est bête». Если же предыдущая фаза совершенно забывается, а между тѣмъ это основная, «нормальная» фаза, соотвѣтствующая періоду до заболѣванія, то дѣло можетъ доходить до того, что больному приходится заново учиться читать, писать и считать, частью даже говорить, и заново знакомиться со всей окружающей обстановкой. Такъ было съ той американской дамой, о которой рассказываетъ Mac-Nish: когда она приходила въ свое «второе состояніе», то знала только то, чему въ этомъ состояніи научилась.—Смѣна одной фазы другою происходитъ обыкновенно болѣе или менѣе рѣзко, ино-



гда сразу и неожиданно, иногда послѣ глубокаго сна, иногда послѣ своеобразнаго сумеречнаго состоянія.

Какъ ни истолковывать подобные факты—видѣтъ ли въ нихъ настоящую «множественность сознанія» или, слѣдую другой гипотезѣ, обширные, растянутые во времени приступы истеріи со значительными амнезіями, перемежною органическаго самочувствія и т. д.,—изъ нихъ можно съ несомнѣнностью сдѣлать одинъ выводъ: психическимъ опытомъ личности не исчерпывается вся сумма «переживаній», связанныхъ съ ея фізіологическими процессами; за его предѣлами можетъ оставаться масса различныхъ переживаній, которыя въ обычныхъ случаяхъ бываютъ сравнительно изолированными и разбросанными, иногда же группируются въ сложныя единства, во многомъ аналогичныя главной системѣ психическаго опыта. Эти побочныя психическія группировки могутъ даже временно вытѣснять главную и вмѣсто нея господствовать надъ областью высказываній, что и даетъ поводъ къ представленію о «смѣнѣ личностей» въ упомянутыхъ нами наблюденіяхъ специалистовъ; аналогичную картину представляетъ также лунатизмъ и психо-эпилепсія. Въ другихъ же случаяхъ удается наблюдать высказыванія побочныхъ психическихъ группировокъ *одновременно и наряду* съ высказываніями главнаго «сознанія». Подобнаго рода факты также очень важны для вопроса о критикѣ психическаго опыта, и на нихъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Въ экспериментахъ, многократно производившихся надъ истеричными субъектами, удавалось получать сложныя, координированныя, строго цѣлесообразныя высказыванія въ отвѣтъ на такія возбужденія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли достигнуть «главнаго» сознанія личности. Вотъ самые типичные примѣры (изъ опытовъ П. Жанэ, Бинэ, Бабинскаго и др.).—Пациентка, страдающая мѣстными анестезіями, между прочимъ, полной анестезіей правой руки, помѣщена такимъ образомъ, что эта ея рука закрыта отъ нея ширмой.



Въ руку вкладываютъ карандашъ, складываютъ пальцы такъ, какъ надо для писанья, и подкладываютъ бумагу. Такъ какъ паціентка не видитъ этого, а рука ея нечувствительна, то сама она ничего не знаетъ объ этомъ. Затѣмъ на тыльную сторону руки накладываютъ металлическую букву или какое-нибудь рельефное изображеніе,— и нечувствительная рука сама пишетъ карандашомъ эту букву или довольно точно вычерчиваетъ изображеніе. При этомъ детали изображенія воспроизводятся иногда съ такой точностью, которая указываетъ на настоящую тактильную гиперестезію—въ нечувствительной рукѣ.— Въ другихъ опытахъ экспериментаторъ, помѣщавшійся сзади отъ паціентки, очень тихимъ голосомъ задавалъ ей вопросы въ то самое время, когда ея вниманіе было совершенно отвлечено оживленнымъ разговоромъ съ другими лицами; эти вопросы ни въ какомъ случаѣ не могли достигнуть «сознанія» больной, и однако ея нечувствительная рука писала на нихъ отвѣты карандашомъ, между тѣмъ какъ «сама» больная даже не знала о томъ, что въ ея рукѣ вложенъ карандашъ.

Подобные эксперименты производились съ успѣхомъ въ самыхъ различныхъ варіаціяхъ, напр., съ замѣной обычныхъ истерическихъ анестезій—внушенными въ состояніи гипноза\*). Тѣ высказыванія, которыя при этомъ получались, соответствуютъ, какъ видно изъ самой постановки экспериментовъ, не «сознанію» личности, не главной ея психической координаціи, а другимъ группировкамъ переживаній, «подсознательнымъ», существующимъ рядомъ съ главнымъ «сознаніемъ» и до извѣстной степени самостоятельно отъ него.

---

\*) Измѣняя условія опыта, удавалось установить существованіе довольно тѣсной связи между «сознаніемъ» и внѣ-сознательными координаціями: дѣйствуя на анестезированную поверхность кожи, внушали «сознанію» различныя представленія и даже галлюцинаціи; такъ, дѣлая незамѣтно для больного въ его нечувствительную кожу нѣсколько булавочныхъ уколовъ, предлагали ему задумать какое-нибудь число, и онъ на-



Въ сущности, съ этими фактами вполне однородны всѣ «машинальныя» или «бессознательныя» высказыванія нормальныхъ людей, высказыванія, о которыхъ мы говорили раньше: цѣлесообразныя реакціи глубоко задумавшагося или вообще вполне поглощеннаго чѣмъ-нибудь однимъ человѣка на постороннія возбужденія, которыхъ онъ не замѣчаетъ. У истеричныхъ субъектовъ эти явленія только сложнѣе и ярче, что находится въ очевидной связи съ обычнымъ суженіемъ поля главнаго сознанія, составляющимъ основную черту истеріи. «Подсознаніе истеричныхъ, какъ и «второе сознаніе» при періодической смѣнѣ личности, представляетъ изъ себя *отдѣльную организованную* систему переживаній, оставшихся за порогомъ нормальнаго психическаго опыта; въ большинствѣ же случаевъ такой отдѣльной организаціи не создается, переживанія внѣ главной системы протекаютъ изолированными группами, при чемъ иногда *косвенно* вступаютъ въ связь съ этой системой путемъ высказываній, наблюдаемыхъ другими людьми, или оставляющихъ матеріальные слѣды въ родѣ написаннаго слова, рисунка, сломанной вещи и т. под.

Какъ видимъ, критика психическаго опыта, основываясь на сопоставленіи его съ опытомъ объективнымъ, показываетъ, что область «непосредственныхъ переживаній», связанныхъ съ физиологическимъ процессомъ, гораздо шире области психическаго опыта, которая обнимаетъ лишь одну систему такихъ переживаній, не захватывая ни побочныхъ, до извѣстной степени самостоятельно организующихся системъ, ни частныхъ

---

зывавъ именно число сдѣланныхъ уколовъ; прикладывали къ нечувствительной кожѣ затылка рельефное металлическое изображеніе, и у больного получался соответствующій этому изображенію зрительно-галлюцинаторный образъ, и т. под.— Эта связь „сознанія“ и „внѣ-сознательныхъ впечатлѣній“ соответствуетъ, очевидно, *жизненному единству организма*, хотя она и не есть *непосредственная* ассоціативная связь, какая выступаетъ въ полѣ сознанія.



изолированныхъ группъ, ни изолированныхъ отдѣльныхъ переживаній. Соответственно этому, должно быть расширено понятие о «непосредственныхъ переживаніяхъ» для рѣшенія вопроса о связи ихъ съ физиологической жизнью.

Насколько же именно слѣдуетъ расширить это понятіе? Прежде всего очевидно, что надо принять наличность переживаній всюду, гдѣ имѣются высказыванія, хотя и оставшіяся внѣ связи личнаго психическаго опыта.—Но за высказываніями скрываются *жизнеразности*, именно тѣ изъ нихъ, которыя настолько значительны, чтобы въ достаточной степени нарушить равновѣсіе двигательныхъ центровъ и вызвать изъ нихъ достаточно сильный потокъ энергіи (въ видѣ иннервации) по направленію къ периферіи. Между тѣмъ психическій опытъ сообщаетъ намъ о громадной массѣ такихъ переживаній, которыя не выражаются въ высказываніяхъ, потому что связаны съ болѣе слабыми *жизнеразностями*, неспособными вызвать внѣшнія движенія. Если это такъ, то мы должны принять, что и за предѣлами психическаго опыта «непосредственные переживанія» существуютъ не только тамъ, гдѣ они выражаются въ замѣтныхъ движеніяхъ, но и тамъ, гдѣ соединенныя съ ними *жизнеразности* недостаточно для этого значительны. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что *область «непосредственныхъ переживаній» человека, въ сферѣ психическаго опыта и за его предѣлами, совпадаетъ съ областью жизнеразностей центральнаго нервнаго аппарата.*

Принявши такую точку зрѣнія, мы не можемъ избѣгнуть вопроса, въ какихъ же случаяхъ переживанія входятъ въ сферу психическаго опыта и въ какихъ нѣтъ? Какія *жизнеразности* имѣютъ ближайшее отношеніе къ психическому опыту и какія нѣтъ? Отвѣтъ можетъ основаться только на анализѣ основныхъ психо-физиологическихъ данныхъ, касающихся этого вопроса.



V.

По своей основной характеристикѣ, психическій опытъ есть система опредѣленныхъ связей, именно ассоціативныхъ. Поэтому переживанія «внѣ опыта» — это тѣ, которыя не попали въ данную систему связей, тѣ, которыя остались изолированными отъ главнаго потока переживаній. Ассоціативная цѣпь воспоминаній, представленій, стремленій, возбуждаемыхъ всякимъ даннымъ переживаніемъ, выражаетъ собою, съ физиологической точки зрѣнія, отраженные, вторичныя жизнеразности, вызванныя тѣмъ, что первоначальное нарушение равновѣсія распространяется по нервному аппарату, порождая въ различныхъ его частяхъ колебанія различной интенсивности и различной формы. Если жизнеразность изолированно протекаетъ въ нѣкоторыхъ элементахъ нервнаго аппарата, не вызывая отзвука въ остальныхъ, то соотвѣтственное переживаніе также должно оказаться внѣ связи психической жизни, потому что нѣтъ промежуточныхъ (ассоціативныхъ) звеньевъ, которыя вводили бы его въ эту связь. Эти общія соображенія еще болѣе подтверждаются, если разсмотримъ типичные случаи жизнеразностей, не связанныхъ съ психическимъ опытомъ.

Громадное большинство наиболѣе слабыхъ раздраженій, дѣйствующихъ на организмъ человѣка, совершенно «не замѣчаются» въ сферѣ сознанія, не порождаютъ доступныхъ психическому опыту ощущеній. И это вполне понятно: очань слабыя жизнеразности не выходятъ изъ предѣловъ ограниченнаго числа непосредственно затронутыхъ элементовъ, такъ какъ нервные проводники представляютъ извѣстное сопротивленіе передачѣ энергетическихъ колебаній. Но въ нѣкоторыхъ специальныхъ случаяхъ такія же слабыя раздраженія находятъ доступъ въ поле сознанія; и это также физиологически вполне понятно: нервныя клѣтки сами въ себѣ заключаютъ, какъ аккумуля-



торы, запасъ потенціальной нервной энергіи, для разряженія которой достаточно иногда и очень слабой жизнеразности, пришедшей извнѣ, а разряженіе это само можетъ составлять уже гораздо болѣе крупную жизнеразность, съ гораздо болѣе широкимъ кругомъ послѣдовательныхъ колебаній въ другихъ частяхъ нервнаго аппарата.

Какъ извѣстно, человѣкъ дѣлается воспримчивѣе къ опредѣленнымъ слабымъ раздраженіямъ именно тогда, когда его «вниманіе» направлено къ ихъ воспріятію. Съ точки зрѣнія наиболѣе принятыхъ теорій вниманія (вазомоторно-мускульныхъ), актъ вниманія всегда связанъ съ повышеннымъ питаніемъ тѣхъ элементовъ центрального аппарата, которые находятся въ дѣятельномъ состояніи. Вы, положимъ, желаете рассмотреть детали отдѣльнаго предмета и внимательно въ него вглядываетесь; это означаетъ, что ваша сосудодвигательная система, путемъ расширенія мелкихъ сосудовъ, питающихъ дѣятельные участки мозга, направляетъ къ этимъ участкамъ, за счетъ другихъ, наибольшую сумму питанія. Такимъ путемъ въ соответственныхъ оптически-мозговыхъ клѣткахъ быстро накапливается потенціальная энергія, и онѣ превращаются въ заряженные аппараты, при малѣйшемъ внѣшнемъ толчкѣ разряжающіеся какъ бы взрывомъ энергіи, вызывающимъ вторичныя колебанія во многихъ пунктахъ центральной системы. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ въ общую координацію психическаго опыта попадаютъ даже сравнительно очень небольшія свѣтотыя раздраженія, соответствующія мелкимъ деталямъ воспринимаемой картины. Естественно также и то, что для остальныхъ частей мозга, питаніе которыхъ, наоборотъ, понижено по сравненію съ обычными условіями, энергія которыхъ уменьшена, требуются болѣе значительныя жизнеразности, чтобы вызвать передачу колебанія въ различныхъ направленіяхъ на обширныя области центральной системы; и потому въ сферѣ, напр., тактильныхъ и слуховыхъ, а также не захваченныхъ актомъ вниманія зрительныхъ ощущеній, остаются «незамѣтными» для сознанія такіа раздраженія, которыя



непремѣнно были бы «замѣчены» если бы не было «отвлечено вниманіе».

Во время глубокаго сна, наркоза, обморока постоянно наблюдается пониженное питаніе мозга—его анемія, слабое кровяное давленіе, медленность тока крови (вслѣдствіе уменьшенной работы сердца). При этомъ, очевидно, въ кортикальныхъ клѣткахъ-аккумуляторахъ напряженіе собственной энергіи очень понижено, и достигающія ихъ возбужденія порождаютъ лишь мелкія жизнеразности, неспособныя широко разлиться въ мозговой корѣ. Кромѣ того, при обыкновенномъ снѣ, наступающемъ послѣ дневнаго утомленія, связи центральнаго аппарата бываютъ, повидимому, нарушены вслѣдствіе другой еще причины: за время бодрствованія въ клѣткахъ и проводникахъ скопляются различные продукты жизненнаго распада дѣятельныхъ тканей, такъ что вслѣдствіе измѣненія химическаго состава возбудимость клѣтокъ и проводимость проводниковъ очень значительно ослабляются. Возникающія жизнеразности такимъ образомъ остаются изолированными — и то же относится къ соотвѣтственнымъ переживаніямъ.

Впрочемъ, во снѣ, благодаря неравномѣрному распредѣленію питанія, а также сравнительно сильнымъ раздраженіямъ и прочимъ случайнымъ комбинаціямъ условій, легко наступающимъ въ такой сложной системѣ, нѣкоторыя жизнеразности оказываются достаточно велики, чтобы вызвать рядъ вторичныхъ колебаній; тогда получаютъ сновидѣнія. Распространеніе вторичныхъ колебаній при этомъ можетъ происходить и не по обычнымъ путямъ, а по тѣмъ проводникамъ, которые, такъ сказать, наименѣ засорены продуктами жизнедѣятельности тканей; вѣроятно, въ зависимости отъ этого находится обычная безсвязность сновидѣній, нелѣпыя превращенія, которыя въ нихъ выступаютъ, и т. под. \*).

---

\*) Вполнѣ аналогичны явленія при наркозѣ—тамъ имѣется, съ одной стороны, отравленіе нервныхъ элементовъ, понижающее ихъ возбудимость и проводимость, съ другой стороны —



дѣло идетъ, очевидно, о вторичной, особой системѣ физиологическихъ связей, въ нормальномъ состояніи не функционирующей, а выступающей во время сна, когда главная система подавлена дневнымъ утомленіемъ. Психически это должно выражаться во второй, болѣе узкой координаціи, подобной системѣ психического опыта.— Въ несравненно болѣе развитой формѣ является эта вторая система при «раздвоеніи сознанія». Тамъ она достигаетъ такой сложности и приспособленности, что можетъ надолго замѣнять первичную, главную систему въ управленіи жизнедѣятельностью организма, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ шагъ за шагомъ совсѣмъ вытѣсняетъ главную систему, причемъ послѣдняя атрофируется (какъ это было у больной Azam'a).

Связь явленій гипноза съ необычнымъ состояніемъ питанія мозга несомнѣнна: ослабленный пульсъ, нѣкоторое поблѣднѣніе лица, головная боль въ случаѣ рѣзкаго пробужденія указываютъ на анемическое состояніе мозга при пониженномъ давленіи крови. Поле «сознанія» чрезвычайно сужено, но такъ какъ «сознаніе» сохраняется, то можно предполагать, что питаніе коры понижено не такъ равномерно повсюду, какъ, положимъ, при глубокомъ снѣ. Неравномѣрность эта выражается особенно ярко въ фактахъ внушенія; при общемъ ослабленіи и дезорганизациі жизни мозга, путемъ повторяющихся вѣшнихъ воздѣйствій, напр., высказываній гипнотизирующаго лица, поддерживается работа *нѣкоторыхъ* элементовъ мозга, и тогда эта работа происходитъ именно въ такой

пониженіе кровяного давленія, а стало-быть и питанія. Чѣмъ слабѣе наркотическое средство понижаетъ кровяное давленіе, тѣмъ менѣе постоянно и надежно его снотворное дѣйствіе— не хватаетъ одного существеннаго момента, устраняющаго связность нервно-физиологической жизни. До сихъ поръ не удаются попытки фармакологовъ создать вѣрно-дѣйствующій наркотикъ, который угнеталъ бы систему кровообращенія не въ большей мѣрѣ, чѣмъ это соответствуетъ нормальному сну.



связи, которая обуславливается этими воздѣйствіями, т.-е. внушеніями.

Тутъ много неяснаго и неизученнаго, но все указываетъ на возможность «психическихъ» группировокъ внѣ главной системы психического опыта. Экспериментаторамъ удается внушать полное забвеніе того, что пережилъ пациентъ за время гипнотическаго сна, при чемъ изъ сферы психического опыта искусственно вырываются цѣлые сложные ряды переживаній; удается внушить не видѣть или не слышать чего-нибудь въ послѣ-гипнотическомъ состояніи, и это выполняется съ большой точностью, указывающей на то, что организмъ хорошо различаетъ и обособляетъ «невидимые» предметы и «неслышимые» звуки, но соотвѣтственные воспріятія остаются внѣ связи психического опыта и его высказываній; удается внушить сдѣлать что-либо въ опредѣленное время послѣ пробужденія, и въ назначенный моментъ *забытое* внушеніе съ непреодолимой силой вступаетъ въ поле психического опыта. — Словомъ, путемъ внушенія достигается до извѣстной степени произвольное обособленіе нѣкоторыхъ группъ переживаній отъ общей и главной ихъ системы, и введеніе ихъ вновь въ эту систему при произвольныхъ условіяхъ. Несомнѣнно, что всему этому соотвѣтствуютъ значительныя измѣненія въ питаніи всего мозга и отдѣльныхъ его частей, колебанія, слѣдовательно, какъ потенціальной энергіи нервныхъ клѣтокъ, такъ и проводимости нервныхъ волоконъ, вообще—условія, измѣняющія систему связей нервнаго аппарата, измѣняющія границы и направленіе передачи въ немъ возникающихъ жизнеразностей. Такимъ, образомъ, и здѣсь есть всѣ основанія предполагать, что группировкамъ переживаній соотвѣтствуютъ группировки жизнеразностей и наоборотъ.

Во всякомъ случаѣ, нервный аппаратъ представляетъ одно жизненное цѣлое, и потому врядъ ли въ немъ возможны *безусловно* обособленныя группировки связей, такъ что врядъ ли возможны и безусловно отдѣльныя группировки переживаній. Тѣ комбинаціи переживаній, которые не входятъ въ глав-



ную ихъ систему, состоятъ изъ частей, которыя сами входятъ въ эту систему, только въ иныхъ сочетаніяхъ. Если бы это было не такъ, намъ не были бы понятны высказыванья, связанные съ такими «внѣ-сознательными» группами переживаній. Когда, напр., лунатикъ совершаетъ разныя дѣйствія, довольно обычные для него и на-яву, то совершенно ясно, что за этими дѣйствіями скрываются цѣлыя довольно сложныя ассоціаціи переживаній, которыя при иныхъ соотношеніяхъ фигурируютъ и въ главномъ полѣ психическаго опыта, въ «полѣ сознанія». Въ другихъ случаяхъ—при мелкихъ «безсознательныхъ» реакціяхъ, напр. человѣка сильно задумавшагося, дѣло идетъ о болѣе узкихъ группахъ переживаній и о сравнительно простыхъ психическихъ комбинаціяхъ, которыя при иныхъ условіяхъ выступаютъ цѣликомъ въ «полѣ сознанія». И наконецъ даже тѣ внѣ-опытныя переживанія, которыя наиболѣе несложны и слабы, такъ что вовсе не выражаются внѣшнимъ образомъ, — даже они, соотвѣтствуя жизнеразностямъ различныхъ частныхъ органовъ и клѣтокъ нервнаго аппарата, слагаются во всякомъ случаѣ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ какихъ и всѣ переживанія психическаго опыта.

Здѣсь мы пришли, въ сущности, къ тавтологическому положенію. Какъ выяснено новѣйшей позитивной философіей, элементы психическаго опыта тождественны съ элементами всякаго опыта вообще, такъ какъ тождественны съ элементами опыта физическаго. Элементы опыта—цвѣтовые, иннервационные, тактильные, акустическіе и проч.—элементы краснаго и зеленаго, элементы протяженія, элементы твердаго и мягкаго, теплаго и холоднаго, элементарные тоны и т. д., одинаково образуютъ и «тѣла» объективнаго, физическаго міра, и воспріятія, образы, представленія—міра психическаго. Разница только въ типѣ группировки, въ характерѣ связи, которая является въ одномъ случаѣ—связью объективной закономерности, въ другомъ—связью ассоціацій. Такимъ образомъ, вообще не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы «внѣ-психическія» переживанія, соотвѣтствующія изолированнымъ нервнымъ



процессамъ челоѣческаго организма, по элементарному составу отличались отъ тѣхъ, которыя входятъ въ систему психическаго опыта. Надо только прибавить, что и *и типъ группировки элементовъ въ тѣхъ и другихъ переживаніяхъ одинаковый, именно, ассоціативный*, какъ съ несомнѣнностью можно заключить изъ соответствующихъ тѣмъ и другимъ высказываній.

Вполнѣ очевидно, что съ нашей точки зрѣнія теряетъ всякое принципиальное значеніе различіе между «центрами сознанія» и «центрами безсознательныхъ реакцій». Если какія-нибудь жизнеразности въ своемъ распространеніи не выходятъ за предѣлы спинного мозга, или отдѣльнаго нервнаго узла, симпатической напр., системы, то соответственныя переживанія останутся «внѣ-сознательными» именно въ томъ смыслѣ, что они принадлежатъ *не къ той* координаціи переживаній, которая образуетъ нашъ «психическій опытъ». И такъ какъ жизнеразности центральнаго аппарата слагаются изъ жизнеразностей отдѣльныхъ клѣтокъ, то съ полнымъ основаніемъ можно принять, что всюду, гдѣ имѣется нервная клѣтка и гдѣ возникаетъ въ ней жизнеразность, существуетъ также нѣчто вполнѣ аналогичное нашимъ «непосредственнымъ переживаніямъ», хотя бы очень простое и слабое по сравненію съ обычнымъ содержаніемъ поля нашего сознанія.

Но этого мало. Нервная клѣтка, въ процессѣ индивидуальной эволюціи, есть результатъ развитія и дифференціаціи клѣтки эмбриональной, а весь психо-физическій организмъ въ біологическомъ процессѣ—результатъ эволюціи самостоятельной клѣтки типа protozoa. Развитие не можетъ создавать ничего новаго *по существу*, а только новыя и болѣе сложныя комбинаціи того, что *въ видѣ элементовъ* имѣлось и раньше. Поэтому всюду, гдѣ есть живая клѣтка, мы должны — если признаемъ законъ единообразія природы — принимать нѣчто принципиально-однородное съ нашими психическими переживаніями. Нѣтъ жизни безъ переживаній, нѣтъ «чисто фізіологической жизни». Такъ устраняется тотъ невозможный, го-



ловокружительный скачок, который создают мыслители типа Du-Bois-Reymond'a въ образѣ «перваго ощущенія», возникающаго въ лѣстницѣ біологическаго процесса.

Но не является ли зато неизбѣжнымъ такой скачокъ тамъ, гдѣ *жизнь* возникаетъ изъ неорганическихъ процессовъ? Конечно, нѣтъ. Для насъ не существуетъ иной природы, кромѣ той, которая состоитъ изъ *элементовъ*, и эти элементы, при всемъ ихъ разнообразіи, одни и тѣ же въ опытѣ физическомъ и психическомъ, а тѣмъ болѣе въ природѣ неорганической и органической. Жизнь есть опредѣленная *организация* этихъ элементовъ, а неорганическій міръ есть иная ихъ комбинація, не обладающая никакой, или только низшей организованностью. Только наша способность отвлеченія дѣлаетъ неорганическую природу «безжизненной», что совершенно не соответствуетъ всему смыслу нашего опыта, такъ какъ эта же неорганическая природа есть необходимая часть *нашей собственной жизни*. Непрерывное превращеніе въ живыхъ организмахъ неорганическаго матеріала въ составную часть самихъ этихъ организмовъ, возможность постояннаго обновленія жизни изъ безжизненнаго съ очевидностью говоритъ намъ, что здѣсь дѣло идетъ только о различіяхъ комбинацій, объ измѣняющихся отношеніяхъ, но не о тѣхъ абсолютныхъ различіяхъ, которые такъ дороги метафизикамъ. Матеріалъ сознанія, жизни, всей природы всюду одинъ; группировки его различны. Развитіе жизни всегда означаетъ одно и то же: это *возрастаніе организованности* въ группировкѣ элементовъ.

Не пришли ли мы тутъ къ панпсихизму, къ представленію всей природы по типу человѣческаго сознанія? Всего меньше. Природа не есть нѣчто «психическое», это станетъ ясно, если хорошо понять, что именно называется «психическимъ». Психическое вовсе не «субстанція», а только *отношеніе*. Это опредѣленная *связь* явленій, опредѣленная *закономѣрность* опыта. Когда «элементы» опыта выступаютъ для насъ въ объективной, общезначимой *закономѣрности*, мы называемъ ком-



плексы этихъ элементовъ «физическими тѣлами», когда закономѣрность иная, необъективная, необщезначимая (именно, ассоціативная), мы называемъ комплексы «психическими». *Элементы* не имѣютъ ни физическаго, ни психическаго характера; они *внѣ* этихъ опредѣленій. Панпсихизмъ, для котораго вся природа слагается изъ психическихъ комплексовъ, который «объясняетъ» физическое черезъ психическое, выражаетъ, слѣдовательно, тенденцію свести объективную закономѣрность явленій къ субъективной связи; это стремленіе въ высшей степени анти-научное. Идеаль науки діаматрально противоположенъ этому: сведеніе всякой субъективной связи къ объективной закономѣрности. Въ этомъ смыслѣ матеріализмъ былъ всегда несравненно ближе къ прогрессивнымъ тенденціямъ науки; но онъ шелъ недостаточно далеко въ анализѣ дѣйствительности, и вмѣсто прямыхъ элементовъ опыта — физическаго и психическаго — подставлялъ сложные комплексы, называемые «матеріей». Разсматривая же эти комплексы исключительно съ точки зрѣнія объективной закономѣрности, онъ былъ вѣренъ духу научнаго познанія, и потому представлялъ ближайшую степень къ научному міровоззрѣнію. Онъ былъ болѣе объективенъ и позитивенъ, чѣмъ спиритуалистическія направленія, но еще недостаточно объективенъ и позитивенъ. Истина и здѣсь, какъ бываетъ обыкновенно, была не въ «золотой серединѣ» между сталкивающимися направленіями, а внѣ ихъ обоихъ. Прогрессивное мышленіе нашего времени къ борьбѣ матеріализма и спиритуализма относится приблизительно такъ же, какъ къ происходившей нѣкогда борьбѣ протестантизма и католицизма: считая одно изъ двухъ направленій «болѣе истиннымъ», оно и имъ, однако, не можетъ удовлетворяться.

Возвращаемся къ нашей главной темѣ. На основаніи всего изложеннаго мы принимаемъ наличность переживаній всюду, гдѣ имѣются жизнеразности органическихъ процессовъ. Связь переживаній съ жизнеразностями мы признаемъ постоянной, однообразной. Теперь постараемся точнѣе опредѣлить характеръ этой связи.